

Я.Ю. Межеричский

Colonia Claudia Ara Agrippinensis /
Кёльн – центр римской провинции Нижняя Германия

Памяти моего учителя
Александра Иосифовича Немировского
(1919–2007 гг.)

Александр Иосифович Немировский посетил Кёльн уже в конце 90-х гг. Это было на обратном пути из Италии, где он побывал в сопровождении Людмилы Станиславовны Ильинской. Там невыезвному ранее антиковеду удалось наконец увидеть этрусские и римские памятники, о которых и раньше он мог рассказать так, как будто они только вчера были перед его глазами. Конечно, А.И. Немировский знал об этом всех притягивающем и таинственном мире неизмеримо больше многих сотен тысяч людей, вышагивающих ежегодно по улицам Помпей. И тем не менее, он радовался как ребенок, гуляя по древнему городу, порой представляя себя одним из героев своих книг, жившим две тысячи лет тому назад. Александр Иосифович был под впечатлением от первоклассных археологических коллекций Рима, Неаполя, от самой Италии. Из однодневного путешествия из Кёльна в Трир, Л.С. Ильинская и А.И. Немировский привезли не только впечатления от императорских терм и других римских древностей, но и восхищение красотой Мозелианы, постоянно вспоминая стихи Стация.

Вслушиваясь в рассказы о поездке, я вспоминал курсы по античной культуре, книгу «Нить Ариадны» и свою первую археологическую экспедицию в Херсонес, куда привез на практику студентов истфака Воронежского университета Александр Иосифович. Это было в 1967 году. Молодой профессор вместе с нами расчищал водосток и радовался найденной кем-то монете, а вечером у костра читал свои удивительно звучащие на фоне прибоя и южного звездного неба стихи.

Кёльн не оставил Александра Иосифовича равнодушным. Он с интересом осмотрел город, посетил Римско-германский музей и преторий, вспоминал некоторые знаменательные моменты истории города. Мы изумлялись, подсчитывая к концу дня километры проложенного им маршрута. Учитель делился впечатлениями, рассказывал об увиденном, посвящал нас в свои творческие планы и читал стихи. Я вспоминал Херсонес, он радовался, как будто и не промчалось еще тридцать лет, – будучи во всем истинным поэтом, А.И. Немировский всегда встречался с античностью, как первый раз.

На протяжении своей двухтысячелетней истории Кёльн играл заметную роль в экономической, политической, религиозной, культурной жизни Европы, оставаясь одним из самых значительных городов к северу от Альп. И сегодня, несмотря на скромные по современным меркам масштабы (1 млн. жителей в городе и ок. 3 млн. в агломерации), в Кёльне регулярно происходят важные события, как, например, очередная встреча «восьмерки» или всемирный слет католической мо-

лодежи. Привлекательность города для политиков, деловых людей или туристов не в последнюю очередь связана с исторической аурой, которая восходит к временам его основания. Соединение римского начала с германским и галльским заложило панъевропейский и космополитичный характер Кёльна, во многом определив лицо рейнской метрополии.

Античный Кёльн предстаёт во глубине веков как поселение германского племени убиев и колония римских ветеранов, ставка военного командования крупнейшей группировки римских войск и плацдарм для завоевания Центральной Европы, главный город на рейнской границе и столица сепаратистского образования периода кризиса III в., один из бастионов античной цивилизации и центр притяжения германских племен, устремившихся в пределы Империи, наконец – как один из центров кристаллизации новой европейской государственности. Наше внимание привлекут точки соприкосновения жизни провинциального города на далекой северной границе с событиями, носившими «глобальный» для того времени характер.

Начало систематическим раскопкам Кёльна положил в 1920-е гг. Фриц Фремерсдорф, хотя еще в XIX в. энтузиасты и профессиональные историки прилагали усилия для сбора, систематизации и изучения данных античной традиции, а также археологических материалов. После второй мировой войны, уже с осени 1945 г., в разрушенном бомбежками городе исследования продолжили Отто Доппельфельд и целая плеяда археологов и историков античности и других специальностей. Их работа получила продолжение в последние десятилетия – благодаря усилиям Б. и Г. Гальстереров, Г. Прехта, Р. Гэнша, Й. Гайнрихса, Б. Ирмлера и других ученых целый ряд проблем нашел новое решение, картина прошлого становится все более полной. Промежуточные итоги многолетних штудий подведены в первом томе «Истории города Кёльна». Этот капитальный труд Вернера Эка уже стал настольной книгой всех исследователей и любителей Кёльнских древностей¹.

Хотя в письменных источниках история античного Кёльна отражена не хуже истории других городов Западных провинций, все же лакуны весьма существенны². По словам одного из исследователей,

¹ *Eck W. Köln in römischer Zeit. Geschichte einer Stadt im Rahmen des Imperium Romanum. Köln, 2004.* Предыдущее, краткое, обобщение результатов исследований: *Die Römer in Nordrhein-Westfalen. Stuttgart, 1987. S. 459–521.* Из последних обзоров см.: *Steenken H.H. Funktion, Bedeutung und Verortung der ara Ubiorum im römischen Köln – ein status questionis // Rom, Germanien und das Reich. St. Katharinen, 2005. S. 104–148.* Единственная работа на русском языке – каталог «Римское искусство и культура. Выставка Римско-германского музея города Кёльна», опубликованная в 1984 году по случаю выставок в Эрмитаже и в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. В книге имеются краткие статьи, посвященные истории и отдельным аспектам изучения римского Кёльна.

² Собрания источников: *Klinkenberg J. Das römische Köln // Die Kunstdenkmäler der Stadt Köln. Düsseldorf, 1906. Bd. I–II; Fremersdorf F. Urkunden zur Kölner Stadtgeschichte aus römischer Zeit. Köln, 1963.* Регулярно

мы можем проследить ее лишь пунктирно – к сожалению, разные её периоды освещены крайне неравномерно. Отсутствуют сообщения для полутора столетий экономического и культурного расцвета римского города – II и перв. пол. III вв. н.э. Подобные пробелы в определенной мере восполняются за счет более двух тысяч надписей, найденных в городе и на прилегающей территории, а также монет³.

Археологические свидетельства истории Кёльна сохранились не так хорошо, как, к примеру, в Ксантене, где средневековый город возник в стороне от античной *Colonia Ulpia Traiana*, или в Трире (античная *Augusta Treverorum*), который также был центром провинции, а в конце III–IV в. – одной из столиц Империи. Кёльн, будь то в период кризиса III в. и последовавших варварских нашествий, во времена средневековья или индустриализации, второй мировой войны или сейчас, в постиндустриальную эпоху, то разрушался, то заново строился и перестраивался, оставаясь центром экономической, политической и культурной жизни Рейнландии. При этом, разумеется, люди думали прежде всего не об истории, а о крыше над головой и о хлебе насущном. Античные памятники, если не приходили в ветхость сами собой или не использовались в качестве материала, безжалостно сносились. В историческом центре города мощность строительного мусора над античными слоями достигает 5–6 м. Территория плотно застроена, так что раскопки больших участков просто невозможны. Они ведутся большей частью при разборке старых сооружений и в ходе строительства новых – например, в последнее время в ходе прокладки очередной линии метро⁴. При этом памятники, как правило, спешно раскапываются, документируются и сносятся. Многие, по тем или иным причинам не замеченные специальной городской службой, исчезают безвозвратно⁵. Следует отметить, что богатство того или иного

актуализируемый обзор археологических памятников, 6-е изд.: *Wolff G. Das römisch-germanische Köln. Führer zu Museum und Stadt. 6., überarbeitete Auflage. Köln, 2005.*

³ Надписи: кроме CIL. XIII.7776–8587; 1981–12074, см.: *Galsterer B., Galsterer H. Die Römischen Steininschriften aus Köln. Köln, 1975; idem. Neue Inschriften aus Köln. Funde der Jahre 1974–1979 // ES. 1981. No. 12. S. 225 ff.; idem. Neue Inschriften aus Köln II. Funde der Jahre 1980–1982 // ES. 1983. No. 13. S. 166 ff.; idem. Neue Inschriften aus Köln III // KJb. 1987. Vol. 20. S. 83 ff.*

⁴ См.: *Dietmar C., Trier M. Mit der U-Bahn in die Römerzeit. Ein Handbuch zu den archäologischen Ausgrabungsstätten rund um den Bau der Nord-Süd Stadtbahn. Köln, 2005.*

⁵ Известный исследователь античного Кёльна О. Доппельфельд (1907–1979), немало сделавший и для популяризации истории своего города в римское время, сетовал на то, что финансовые интересы иногда доминируют над необходимостью охраны памятников. Отсюда цитируемая им поговорка “*Wenn die Römer kommen, wird das Bauen teuer*” – Когда приходят «римляне» (т.е. археологи), строительство дорожает (*Doppelfeld O. Vom unterirdischen Köln. Köln, 1979. S. 14*). Один из сотрудников отдела службы охраны памятников города Кёльна, Штефан Ной, рассказывал, как он безуспешно пытался отстоять от сноса фундаменты форума античного города. Лишь небольшой фрагмент встроили в помещение McDonalds в цоколе торгового дома C&A.

археологического слоя не случайно соответствует молчанию письменных источников в соответствующий период. Когда на Рейне царил мир и отдыхали легионные горны, взгляды историков привлекали совсем другие, «горячие точки» – зато в античном городе продуктивно работали строители, ремесленники и художники, а у пристани толпились торговые суда.

Цивилизация впервые посетила место, где позднее возник Кёльн, в лице одного из самых известных персонажей всемирной истории. Им стал Гай Юлий Цезарь, с 58 по 51 гг. до н.э. покоривший «Косматую», или «Дикую» Галлию (*Gallia Comata*), т.е. территории к северу от Нарбоннской провинции. В результате вся Галлия, от Пиренеев до Северного моря и от Атлантики до Рейна, оказалась в составе римских владений. Война и жестокое подавление очагов сопротивления сопровождались массовым террором. Цезарь рассказывает, в частности, о разграблении и истреблении жившего между Рейном и Мозелем кельтского племени эбуронов (53 г. до н.э.). В «Записках» упоминаются также заселившие через несколько десятков лет бывшую страну эбуронов убии, с именем которых связан начальный этап истории Кёльна. У Цезаря они представлены как единственное союзное и самое цивилизованное германское племя на правом берегу Рейна⁶.

В 40–30-е годы I в. до н.э. римлян, погрязших в кровопролитных гражданских войнах, мало интересовали галлы и германцы. После установления единовластия Август, среди прочего, занялся упорядочением провинциального управления. В Галлии оказался М. Випсаний Агриппа, его ближайший соратник; именно к нему за разрешением переселиться на Левобережье обратились убии (20/19 гг. до н.э.)⁷. Бу-

Тем не менее, фирмы, по роду занятий разрушающие памятники, например, строители в Кёльне или разработчики бурого угля в прилегающем регионе, финансируют раскопки в соответствии с установленными правилами.

⁶ Сообщения Цезаря об убиях: *Caes. BG. IV.3, 8, 11, 16–19; VI.9–10, 29*. Один из центров убиев на Правобережье находился в районе *Dünsberg an der Lahn*, где исследовано их городище. Раньше Дюнсберг был одним из важнейших центров Латенской культуры, носителями которой были кельты. Критический анализ сообщений Цезаря, построенный на сопоставлении с данными археологии, нумизматики и эпиграфики см.: *Eck W. Köln in römischer Zeit... S. 31 ff.; comp.: Carroll-Spillecke M. Kelten, Germanen, Römer. Neue vorgeschichtliche Siedlungsspuren in Köln // Archäologische Informationen. 1995. Bd. 18. Tl. 2. S. 143–152 etc.; Heinrichs J. Civitas ubiorum. Historisch-numismatische Studien zur Geschichte der Ubier und ihres Gebiets. Habilitationsschrift. Köln, 1996 (passim); idem. Zur Verwicklung ubischer Gruppen in dem Ambiorix-Aufstand des Jahres 54 v. Chr. // *ZPE. 1999. Bd. 127. S. 290; idem. Vor dem oppidum Ubiorum. Münzen einer Zivilsiedlung im Kölner Domareal in ihren Aufschlüssen für das augusteische Köln // Römische Präsenz und Herrschaft im Germanien der augusteischen Zeit. Göttingen, 2007 (passim)* (автор в значительной мере опирается на нумизматический материал. В частности, он анализирует монеты убиев и ареалы их распространения как до, так и после переселения).*

⁷ Агриппа дважды занимался устройством галльских провинций, с 40 по 37 гг. и в 20/19 гг. до н.э. См.: *Roddaz J.-M. Marcus Agrippa. Rom, 1984. P. 66 sqq.* Ранее переселение убиев относилось исследователями к концу пер-

дучи союзниками римлян, они испытывали постоянные трудности в окружении других германцев. Агриппа позволил им обосноваться в Кёльнской бухте. Это упрочило позиции римлян на Рейне⁸. Договор с убиями предусматривал защиту ими границы, а также поставку вспомогательных контингентов и участие в военных действиях против враждебных германских племен⁹. Благодаря принятым мерам, обстановка в стратегически важном регионе стабилизировалась, стала налаживаться хозяйственная жизнь, что способствовало снабжению размещавшихся на границе легионов. Как и в остальной *orbis romana*, население организовали в самоуправляемую общину античного типа – *civitas Ubiorum*. Убии еще до переселения восприняли через кельтов многие достижения средиземноморской культуры, теперь процесс романизации получил дальнейшее развитие¹⁰. Он стал еще интенсивнее, когда на берега Рейна, в связи с масштабными военными действиями на Правобережье, прибыли крупные воинские контингенты.

Хотя Рейн с подачи Юлия Цезаря считался пограничной рекой между галлами и германцами, ситуация оказалась не столь простой.

вого галльского наместничества Агриппы. Новое прочтение Тацита, и особенно исследование монет, чеканившихся убиями и некоторыми другими германскими племенами, указывает на организованное переселение убиев во второе галльское наместничество Агриппы. См.: *Heinrichs J. Civitas ubiorum...* S. 68–79, 338; *Eck W. Köln in römischer Zeit...* S. 46 ff.

⁸ Численность переселенных убиев можно оценить лишь приблизительно. Считается, что их было несколько десятков тысяч. Убии занимали территорию между позднее основанным Новезием/Нойссом на севере, рекой Рур и городом Аахен на западе и ручьем Финкстбах, где позднее пролегла граница между двумя германскими провинциями, на юге. Этот ручей впадает в Рейн недалеко от городка Бад Брайзиг. См.: *Doppelfeld O. Kölner Wirtschaft von den Anfängen bis zur Karolingerzeit // Zwei Jahrtausende Kölner Wirtschaft. Köln, 1975. Bd. 1. S. 16* (картосхема); *Riedel M. Köln – ein römisches Wirtschaftszentrum. Köln, 1982. S. 13* (картосхема); *Bechert T. Germania inferior. Eine Provinz an der Nordgrenze des Römischen Reiches. Mainz, 2007. S. 13, 28 f.* (с картой провинции).

⁹ Об охране убиями рейнской границы см.: *Tac. Ann. XIII.57; Germ. 28.4*. На договор (*foedus*), который, бесспорно, был заключен, но не сохранился, косвенно указывает Тацит: *civitas Ubiorum socia nobis* (*Tac. Ann. XII.53.3*). Упоминание об аналогичном договоре с треверами, высеченном на каменных досках см.: *Tac. Hist. IV.67.1*.

¹⁰ См.: *Galsterer H. Von den Eburonen zu den Agrippinensiern. Aspekte der romanisation am Rhein // KJb 1990. Bd. 23. S. 117–126; Heimberg U. Was bedeutet „Romanisierung“? Das Beispiel Niedergermanien // Antike Welt. 1998. Bd. 29. S. 19 ff.; Bechert T. Op. cit. S. 34 ff. etc.* Разумеется, романизация не была пассивным заимствованием достижений средиземноморской культуры. Достижения более развитой цивилизации перерабатывались и приспособлялись к развивавшимся в течение многих веков местным структурам, принимая своеобразные формы. В применении к убиям на их первоначальном месте обитания справедливо говорят о «кельтизации» и «кельто-германской смешанной культуре». Быстрое экономическое развитие после переселения на Левобережье и открытость убийской знати по отношению к новшествам способствовали смешению германских, галльских и римских элементов и сравнительно быстрой ассимиляции. См.: *Heinrichs J. Civitas ubiorum...* S. 54–68, 80, 341 f.

На самом деле германцы, уже на протяжении столетий выдавливавшие кельтов из Центральной Европы, в том числе с территорий к востоку от Среднего Рейна, давно проникли и на Левобережье. Некоторые племена на обоих берегах Рейна объединяло родство, другие – религия или обычаи. Отдельные группы германцев, временно объединившись, нередко вторгались в левобережные области с целью грабежа¹¹. Римляне не желали мириться с подобным положением. Оно дестабилизировало обстановку в Западных провинциях в целом, провоцируя галлов на антиримские выступления, давая антиримски настроенным галльским группировкам возможность использовать германских наемников. Согласно логике римской экспансии, если угроза исходила из-за границы, то не оставалось ничего другого, как покорить следующую страну¹². На повестку дня выдвигались активные военные действия в Правобережье.

Обстановка обострилась, когда в 17 или в 16 г. до н.э. через Рейн в Галлию вторглись сугамбры, узипеты и тенктеры. Они нанесли сокрушительное и позорное поражение наместнику Галлии Марку Лоллию, захватив к тому же легионный штандарт с орлом. И все это в момент, когда в Риме громко отпраздновали Секулярные игры и объявили о начале нового счастливого века (17 г. до н.э.). Сравнительно недавно Августу удалось вернуть военные значки, оказавшиеся в руках парфян после разгрома М. Лициния Красса в 53 г. до н.э. И вот новое бесчестье, которому подвергся *legatus Augusti*. О значении случившегося говорит уже то, что тотчас после поражения Лоллия сам принцепс выехал в Галлию, где оставался более трех лет, с 16 по 13 гг. до н.э.

Большой германской войне предшествовал целый ряд подготовительных операций. В 15–13 гг. до н.э. пасынки Августа, Тиберий и Друз, захватили альпийские области, затем Рецию, так что Рейн на всем его протяжении стал римской рекой. После успешного завершения альпийских походов основные силы, семь легионов и вспомогательные войска, передислоцировались на Средний и Нижний Рейн. Они расположились недалеко от мест, где несколько позднее появились постоянные лагеря. На территории *civitas Ubiorum* таковыми стали *Novaesium* (Нойсс), *Bonna* (Бонн), а также *oppidum Ubiorum* (Кёльн). Из них войска переправлялись через реку, проникали далеко вглубь

¹¹ Например, в 20 г. до н.э. См.: *Dio Cass.* LIV.11.2.

¹² В современной историографии преобладает мнение о том, что завоевательная политика Августа строилась не на основе долговременных стратегических планов, а как последовательность ответов на те или иные вызовы. См.: *Bechert T.* Op. cit. S. 20. С этим можно согласиться, если иметь в виду отсутствие оформленных на бумаге планов, – Август был политиком, а не штабистом. В то же время было бы неверно отрицать у государственного деятеля такого масштаба наличие общей концепции, по крайней мере, видения перспектив. Ср.: *Dejninger J.* Germaniam pacare. Zur neueren Diskussion über die Strategie des Augustus gegenüber Germanien // *Chiron.* 2000. Bd. 30. S. 749 ff.; *Eck W.* Augustus und die Grossprovinz Germanien // *KJb.* 2004. Bd. 37. S. 11–22; *Riemer U.* Die römische Germanienpolitik. 2006 (passim); *Wolters R.* Die Römer in Germanien. München, 2006. S. 28 ff.; *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 2009. S. 332 ff., 355 ff.

Германии и возвращались зимой на свои базы. Всего в операциях участвовало 30–40 тыс. солдат. Их переброску по Рейну и его притокам обеспечивали корабли Рейнской флотилии. Устранение германской угрозы приобрело характер одной из приоритетных военно-политических задач Империи¹³.

Завоевание и освоение Правобережья осуществлялось главным образом за счет привлечения людских и материальных ресурсов других частей Империи. Это диктовалось тем, что у германцев отсутствовали крупные населенные пункты, где имелась бы возможность пополнить запасы провианта для большой армии. Главные базы снабжения находились в Галлии, а также в северных районах Италии и в Испании. Стратегические плацдармы располагались на левом берегу Рейна, в том числе ставка верховного командования – на территории давнего испытанного союзника *civitas Ubiorum*. Там и решили основать поселение, от которого берет начало город Кёльн. Точная дата его закладки неизвестна. Современные исследователи, как отталкиваясь от сообщений античных историков, так и опираясь на данные археологии, нумизматики и эпиграфики, предлагают даты, начиная от 7 г. до н.э. до 9/10 гг. н.э.¹⁴

На левом берегу Рейна, на небольшом плато, недоступном разливам реки, римляне заложили *oppidum Ubiorum* – «город Убиев»¹⁵. С самого начала он строился с размахом. Ранее считалось, что правильная планировка появилась после получения статуса колонии, при Клавдии (50 г. н.э.). В последнее время исследователи приходят к выводу, что

¹³ Для общей оценки событий см. *Межеричкий Я.Ю.* Римская экспансия в правобережной Германии и гибель легионов Вара в 9 г. н.э. // Норция. Воронеж, 2009. Вып. 6. С. 80–111; *Парфёнов В.Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001 (гл. 6–7).

¹⁴ Следов какого-либо значительного доримского поселения на месте будущего Кёльна не обнаружено (*Carroll-Spillecke M.* Kelten, Germanen, Römer... S. 143–152). На 7 г. до н.э. как на время начала строительной деятельности вслед за В. Эком указывает Т. Бехерт. Основанием для этого им служит археологический материал: монеты и *terra sigillata* – посуда высокого качества, которая к этому времени начала изготавливаться в Ареццо в Италии (*Bechert T.* Op. cit. S. 13). Ряд исследователей более осторожно указывают на первое десятилетие н.э. Дендрохронологическая дата деревянных элементов вала, примыкающего с севера к «монументу Убиев», дает время ок. 9/10 г. н.э. (*Gechter M., Schütte S.* Ursprung und Voraussetzungen des Mittelalterlichen Rathauses und seiner Umgebung // *Stadtspuren. Köln*, 2000. Bd. 26. S. 181–188). Можно предположить, что это остатки стены, дополнительно укрепленной в связи с разгромом Вара в 9 г. н.э. Критическое сопоставление точек зрения см.: *Steenken H.H.* Funktion, Bedeutung und Verortung der ara Ubiorum... S. 106 ff.

¹⁵ Впервые термин *oppidum* появляется у Юлия Цезаря для обозначения кельтских укрепленных поселений (Caes. BG. I.23). В эпоху Империи слово стало употребляться для любого поселения городского типа, независимо от правового статуса. Плиний Старший назвал только в Нарбоннской Галлии и Тарраконской Испании 876 *oppida*, различавшихся по различным признакам. Разумеется, не все они, как и *oppidum Ubiorum*, в первые годы после основания, были уже настоящими городами. Это следует иметь в виду, когда *oppidum* переводится на русский как «город».

ее приняли изначально. Неправильный, в соответствии с контуром возвышенности, четырехугольник имел площадь около 1 км². Две пересекавшиеся под углом 90 градусов оси до сих пор лежат в основе самых оживленных кёльнских улиц – *Hohe Straße (cardo maximus)* и *Schildergasse (decumanus maximus)*. Соответственно, всю территорию разбили на прямоугольники сеткой широких улиц. Образовалось 70 кварталов (*insulae*) со сторонами примерно 100 м. Значительную их часть, между валом, тянувшимся параллельно Рейну, и *cardo maximus*, отвели для общественных построек. Там со временем разместились административные здания, в т.ч. ставка военного командования (преторий), форум и священный участок с храмами. Несмотря на очень плохую сохранность первоначального *oppidum* (примерно до 25 г. н.э.), не только планировка, но также элементы каменной архитектуры и фрагменты архитектурных украшений показывают, что строили город античного типа, по северо-италийскому образцу¹⁶.

Cardo лежал на дороге, издавна пролежавшей вдоль Рейна. Кроме того, будущее нового поселения во многом определили сходящиеся здесь другие пути, как в меридиональном, так и в широтном направлении. Особое значение в качестве транспортной артерии имела река. Неширокий рукав, использовавшийся в качестве естественной гавани, отделял от *oppidum* остров длиной почти в километр и шириной до 180 м. В трех километрах к югу находилась еще одна возвышенность, поменьше, где со временем оборудовали базу рейнской военной флотилии¹⁷.

Поселение обнесли рвом и валом, укрепленным деревянной конструкцией. Конструкции ворот и башни сложены из камня. Древнейшей сохранившейся постройкой этого времени является т.н. «Монумент убиен» (*Ubiertonument*), расположенный недалеко от юго-восточного угла первоначальных укреплений. Уцелевшая часть, размером 9,4 x 9,7 и высотой 6,5 м, сложена из больших каменных блоков, связанных железными скобами. Их установили на площадке из римского бетона (*opus caementicium*) толщиной примерно 20 см. Вся постройка покоилась на забитых в грунт дубовых сваях длиной ок. 2 м, остатки которых датируются 4/5 гг. н.э. «Монумент», первоначальное предназначение которого неизвестно, имел, видимо, еще два надземных

¹⁶ Это подтверждают и типичные элементы римской архитектуры, находящиеся в самых нижних слоях, – фрагменты портиков, храма, триумфальной арки, других общественных зданий, а также надгробия. См.: *Hellenkemper H. Architektur als Beitrag zur Geschichte der CCAA // ANRW. 1975. Bd. 4. Tl. II. S. 783–824; idem. Planstadt in einem Entwicklungsland. Das römische Köln // Chronik zur Geschichte der Stadt Köln. Köln, 1999. Bd. 1. S. 37–64; Hespberg H. von, Bauteile der frühen Kaiserzeit in Köln // Festschrift G. Precht. Köln, 2002. S. 17 f., 31–34; Irmeler B. Colonia Claudia Ara Agrippinensium: Architektur und Stadtentwicklung. Diss. München, 2005.*

¹⁷ Эта небольшая возвышенность с историческим названием Альтебург расположена в Кёльне-Мариенбурге, в трех километрах к югу от центра города. К сожалению, никаких следов римских сооружений увидеть там уже невозможно.

этажа. Во второй половине I в. н.э. его интегрировали в новую городскую стену в качестве юго-восточной угловой башни¹⁸.

Предпосылки основания нового города следует искать, прежде всего, в сфере «большой» политики. Реализация проекта требовала немалых средств и квалифицированных специалистов. Масштабное строительство силами легионеров не могло осуществляться иначе, чем по указанию Августа, который принял во внимание ключевую роль Центральной Европы для безопасности Западных провинций и Италии. Защита границы Галлии оказывалась невозможной без контроля над ситуацией на Правобережье, а потому плавно перерастала в «активную» оборону, включавшую наказание и устрашение, а затем – усмирение германцев. По мере продвижения легионов внутрь страны римляне перешли к ее завоеванию. Оно сопровождалось умиротворением, привлечением союзников из числа местной знати, созданием опорных пунктов и колонизацией. Так реализовывалась типичная логика римской агрессии. За впечатляющими успехами, достигнутыми Друзом, маячила заманчивая перспектива: не только навсегда обезопасить Галлию, но и создать новую обширную провинцию. На фоне этого масштабного проекта, успешная реализация которого могла лишний раз продемонстрировать эффективность политического режима и укрепить престиж семьи Августа, становится понятным предназначение *oppidum Ubiorum*. Переселение убиев Агриппой преследовало военно-тактические цели. По мере возрастания стратегической роли региона возникла необходимость в городе как опорном пункте для проведения германской политики¹⁹.

¹⁸ Памятник был открыт в 1965 г. Археологи предположили вначале, что это алтарь Убиев (см. далее). Позднее они не стали «снижать» значение памятника, чтобы спасти его от сноса. Хотя совершенно ясно, что убиям подобное сооружение было бы не по плечу, это не уменьшает его значение. Постройка – дело рук квалифицированных строителей из Италии, скорее всего, легионеров. Тщательная обработка каменных квадров говорит о том, что это был не фундамент, а цоколь. Дендрохронологические подсчеты показали, что монумент Убиев – древнейшая сохранившаяся каменная постройка Кёльна и вторая в Германии: дубы, использованные для свай, были срублены в 5 или в 4 г. н.э. См.: Die Römer in Nordrhein... S. 462 f.; La Baume P. Die römische Stadtmauer // Führer zu vor- und frühgeschichtlichen Denkmälern. Mainz, 1980. Bd. 37. Ht. 1. S. 61 ff.; Eck W. Köln in römischer Zeit... S. 80 ff.; Wolff G. Das römisch-germanische Köln... S. 168–170. Среди мнений о первоначальном предназначении постройки: гробница или кенотаф (Neu S. Zur Funktion des Kölner „Ubiemonumentes“ // Thetis. 1997. Bd. 4. S. 142–145), угловая башня раннего вала (Carroll-Spillecke M. Kelten, Germanen, Römer... S. 149; Gechter M., Schütte S. Ursprung und Voraussetzungen S. 79 f.; Eck W. Köln in römischer Zeit... S. 171).

¹⁹ Если принять точку зрения, согласно которой Август планировал продвинуться таким образом через Северное Причерноморье в тыл Парфии, то Кёльнская бухта должна была превратиться в стратегический плацдарм глобального масштаба. Ср.: Парфенов В.Н. Consilium coercendi intra terminos imperii (к проблеме преемственности европейской политики Августа и Тиберия) // АМА. 2002. Вып. 11. С. 109–116; Ланник Л.В. Рим и германцы: пути решения проблемы // Antiquitas iuventae. 2006. Вып. 2. С. 186–202.

Oppidum Ubiorum возводился на территории самого лояльного племени, к тому же – благодетельствованного Римом и оказавшегося здесь в чуждом окружении. От опасных соседей город отделяла полноводная река. Небольшая возвышенность защищала от разливов и создавала преимущества при организации обороны. *Oppidum* располагался на перекрестье торговых путей, включая самый выгодный – речной, в плодородном крае, обладавшем и другими природными ресурсами. Город и регион планировались как база снабжения римских легионов на Рейне, и потребности войск вызвали быстрое превращение *oppidum* в значительный торгово-ремесленный центр. Важную роль играло стратегическое положение: отсюда контролировался важнейший водный путь – Рейн, а также его притоки, которые позволяли германцам с опасной легкостью достигать Рейна и через него глубоко проникать в галльские провинции, что следовало навсегда пресечь. С другой стороны, эти же реки открывали римлянам удобные пути в срединные области Большой Германии.

О том, что решение основать город на Рейне принималось на высоком уровне и в результате учета всего комплекса внутри- и внешнеполитических факторов, говорит то, что римляне не ограничились возведением укреплений, гражданских построек практического назначения, и даже полагающихся каждому настоящему городу храмов, портиков и других общественных сооружений. В самых ранних сообщениях наряду с ними упоминается алтарь Убиев (*ara Ubiorum*), и при внимательном рассмотрении оказывается, что ему предназначалась особая роль в возводимом здании новой провинции. При этом, т.к. алтарь до сих пор уверенно не локализован, а прямые свидетельства о его предназначении и функциях отсутствуют, все рассуждения о нём основаны на отрывочных сообщениях античных авторов, а также скупых данных археологии и нумизматики. Поэтому некоторые выводы вызывают непрекращающиеся дискуссии; гипотетична по ряду позиций и предлагаемая реконструкция.

Судя по свидетельству Тацита, относящемуся к 15 г. н.э., алтарь носил «общегерманский» характер: «Вместе с послами Сегест направил и своего сына по имени Сегимунд: но тот медлил, зная за собою вину перед нами. Ибо назначенный жрецом в святилище убиев в том же году, когда восстала Германия, он, сорвав с себя жреческие повязки, перебежал в лагерь восставших»²⁰. Это мимоходом оброненное упоминание о событиях 9 г. н.э. позволяет сделать ряд важных наблюдений. В это время в Кёльне уже функционировало святилище с алтарем, или жертвенником (*ara*), жрецом которого был знатный херуск. Поскольку херуски обитали на правом берегу Рейна (как минимум, в 100 км к северо-востоку от Кёльна), ясно, что в этом культе участвовали не только римские граждане и убии (что само собой разумеется), но так-

²⁰ Tac. Ann. I.57.2: *quippe anno, quo Germanie descivere, sacerdos apud aram Ubiorum creatus, ruperat vittas, profugus ad rebelles*. «Анналы» Тацита здесь и далее цитируются в переводе А.С. Бобовича. Ср. еще одно упоминание сына Сегеста в качестве жреца у алтаря Августа – *ibid.* I.59.

же племена Большой Германии. Повязки, которые сорвал с себя херуск Сегимунд, вдохновленный победой соплеменников (или решивший во время переметнуться на сторону сильнейшего), символизировали для него чужеземное господство. Ясно, что имелся в виду римский культ, отправлявшийся на латинском языке и чуждый германцам, принимавшим участие в его отправлении по необходимости²¹.

Решение вопросов о происхождении, функциях и назначении *ara Ubiorum* тесно связано с трактовкой общего исторического фона. Алтарь мог быть освящен после германского триумфа Тиберия в 7 г. до н.э., знаменовавшего завоевание Большой Германии. Подобные жертвенники, призванные служить центрами культа императора, строились в важнейших пунктах Империи. На Западе они особенно хорошо известны в Галлии и Испании. Подобная *ara Galliarum* была установлена в 12 г. до н.э. в главном городе Трех Галлий – Лугдунуме (совр. Лион). Необходимо заметить, что сооружение галльского алтаря подводило итог длительным усилиям по завоеванию, умиротворению, а также организации управления в стране. На Рейне дело обстояло иначе. Решение соорудить *ara Ubiorum* приняли, когда провинция *Germania Magna* еще находилась в стадии становления, а город только начал строиться.

Как можно судить по другим римским провинциям, где также воздвигались алтари РOME и Августу, жреца избирало²² провинциальное собрание (*concilium provinciae*). Представители общин, городов, а также германских племен собирались *apud ara Ubiorum* также для обсуждения вопросов, связанных с организацией внутренней администрации и уточнением границ между общинами, с участием в постройке дорог, с поставками продовольствия и снаряжения войск, с формированием вспомогательных контингентов и т.п.²³ По проблемам принципиального характера они обращались со своими предложениями или ходатайствами к наместнику провинции, или, в данном случае, к императорскому легату и главнокомандующему. Такие ежегодные собрания проводились *apud Ubiorum*, главное действо заключалось в торжественном жертвоприношении, посвященном богине РOME, а также императору и его семье. Все выглядело так, как если бы Большая Германия уже стала провинцией, а город Убиев рассматривался в качестве ее не только военно-политического, но также административного и идеологического центра. Употребляемое Тацитом выражение *ara Ubiorum* выглядит анахронизмом: во времена Августа этот считавшийся общегерманским жертвенник должен был называться *ara Germaniae*²⁴.

²¹ Ср.: Tac. Ann. I.59 – слова Арминия в 15 г. н.э.

²² *Creatus* в данном контексте означает, что собрание назначало жреца в результате обсуждения кандидатур и последующего голосования. В цитируемом переводе: «назначало».

²³ *Deininger J.* Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit. München; В., 1965.

²⁴ Алтарь убиев на рубеже эр как центр императорского культа провинции *Germania magna (ara Germaniae)* рассматривают такие исследователи, как

Археологически алтарь Убиев однозначно не идентифицирован. В последние десятилетия уточняется план Священного участка, на котором он мог располагаться. Важнейшие строения, связанные с отправлением государственного культа, находились южнее претория. Простираясь далее до Капитолия, Священный участок занимал треть восточного фронта города. Его часть, размером с севера на юг 220 м и с востока на запад 120 м, отделялась от остального города стеной, скорее всего, по тем же соображениям, что и форум Августа в Риме. По своей архитектуре постройки напоминали комплекс в Никополе, построенный основателем принципата в честь победы при Акции. На западе Священный участок переходил в Форум, огромный полукруглый портик которого открывался в сторону зарейнской Германии, подчеркивая общегерманское значение сооружения. В середине этого портика находилось четырехугольное здание, напоминавшее курию или храм, а перед ним, в центре полукруга, стоял жертвенник. Как показывает мощный фундамент, его длина могла достигать 20 м. Не исключено, что это следы алтаря Убиев. Здесь же, несколько глубже, обнаружены основания колонн криптопортика – большой подземной галереи с колоннами. К востоку ансамбль замыкался трехнефной базиликой и служил местом, где проводились провинциальные собрания и отправлялся культ Ромы и Августа. Впрочем, есть мнение, что жертвенник Убиев находился восточнее упомянутой базилики, почти на краю невысокого плато. Там сейчас стоит полуразрушенная и сохраняемая в таком виде церковь Св. Альбан, к которой с севера примыкает новое здание музея Вальрафа-Рихардта, а с юга – средневековый дом горожан, Гюрцених. На алтарь могут указывать открытые здесь сравнительно недавно фундамент и остатки вбитых в землю дубовых свай²⁵.

О внешнем виде Кёльнского алтаря можно судить по аналогии с лугдунским. Тот изображён на реверсе монетной серии, относящейся к последним годам правления Августа. Жертвенник украшен рельефными фигурами, побегами растения и *corona civica*. На колоннах, фланкирующих алтарь, стоят две крылатые богини Победы с пальмовыми ветвями и коронами²⁶.

Г. Гальстерер, Й. Гайнрихс и В. Эк (*Galsterer H. Von den Eburonen zu den Agrippinensiern... S. 124; Heinrichs J. Civitas ubiorum... S. 340; Eck W. Köln in römischer Zeit... S. 93; idem. Augustus und die Grossprovinz... S. 17 f., 21 f.*); в качестве общинного культа убиев его оценивает, например, Д. Тимпе, У.-М. Лиртц (*Timpe D. Arminius-Studien. Heidelberg, 1970. S. 86. Anm. 20 f.; Liertz U.-M. Kult und Kaiser. Studien zu Kaiserkult und Kaiserverehrung in den germanischen Provinzen und in Gallia Belgica zur römischen Kaiserzeit. Rom, 1998. S. 64.*) Д. Кинаст, указывая на аналогию с Лионским алтарем, все же осторожно замечает, что надежное решение этого вопроса невозможно до нахождения самого алтаря, а также обращает внимание на то, что среди 600 известных Кёльнских надписей нет ни одного посвящения Роме и Августу или божественному Августу (*Kienast D. Op. cit. S. 366 + Anm. 176.*)

²⁵ Wolff G. Op. cit. S. 258 f.; cf.: Bechert T. Op. cit. S. 14.

²⁶ Фотографии монет: Eck W. Köln in römischer Zeit... S. 67. Abb. 25; Wolff G. Op. cit. S. 86 (сестерций); Bechert G. Op. cit. S. 13 (acc). Статую Виктории в ССАА упоминает Дион Кассий (LVI.24.4).

Судя по имеющимся данным, Священный участок с жертвенником и другими постройками являлся самым грандиозным и важным сооружением города Убиев в первые десятилетия его существования. Значение *arae Ubiorum* подтверждается не только тем, что сам город часто обозначался как «место у алтаря» (*apud aram* – Tac. Ann. I.39.1), но также последующим включением слова *ara* в название будущей колонии. Особая роль, отводившаяся новому поселению на Рейне, объясняет активное участие легионеров в строительстве не только укреплений и административных зданий, но и города в целом. Наличие подобного культового центра выделяло *oppidum Ubiorum* в качестве одного из важнейших пунктов Империи. В течение первых лет своего существования он развивался как главный город обширной провинции от берегов Северного моря до Эльбы, что, безусловно, способствовало ускоренному росту и экономическому подъему²⁷.

Крутой излом германской политики Рима относится к 9 г. н.э., когда принципиальные просчеты императора, помноженные на беспечность командовавшего легионами П. Квинктилия Вара, привели к Тевтобургской катастрофе²⁸. Разгром в Тевтобургском лесу заставил римлян принять срочные меры для восстановления боеспособности рейнской армии и безопасности границ. Тиберий провел ряд карательных операций против германцев. После смерти Августа эти мероприятия продолжил Германик. Но уже в 16 г. Тиберий отозвал полководца и приказал прекратить всякие наступательные операции на правом берегу Рейна. Вопрос о причинах такого решения принцепса до сих пор обсуждается в литературе. Тацит, испытывавший к этому императору явную антипатию, изображал дело так, что тот боялся растущей популярности Германика, в конце концов, приложив руку и к его неожиданной смерти в 19 г. Но не следует забывать, что и Август, после гибели легионов в 9 г. н.э., прекратил мероприятия по освоению Большой Германии. Правда, он не отказался от своих планов, по крайней мере, публично²⁹. Основатель принципата взял паузу на

²⁷ В «городе Убиев» производилось и продавалось самое необходимое для огромной армии. Как известно, солдаты все, начиная с оружия, покупали самостоятельно. В. Эк довольно убедительно показал, что в рассматриваемый период здесь находился также деловой и финансовый центр новой провинции. Именно отсюда диспенсаторы управляли императорскими доменами в правобережной Германии, в частности, свинцовыми приисками, которые должны были приносить немалый доход. См.: Eck W. Augustus und die Grossprovinz... S. 18–21, ср.: Rothenhöfer P. Geschäfte in Germanien. Zur Ausbeutung von Erzlagerstätten unter Augustus in Germanien // ZPE. 2003. Bd. 143. S. 277 ff.

²⁸ Подробный анализ этих событий и их последствий см. в нашей статье: Межеричкий Я.Ю. Римская экспансия в правобережной Германии и гибель легионов Вара в 9 г. н.э. // Норция. Воронеж, 2009. Вып. 6. С. 80–111.

²⁹ Более того, в своих *Res Gestae*, которые справедливо считаются его политическим завещанием, Август причислял умиротворение Германии к своим главным заслугам. При этом имелась в виду, конечно, Большая Германия, до Эльбы: *Gallias et Hispanias provincias item Germaniam qua includit Oceanus a Gadibus ad ostium Albis fluminis pacavi* (RGDA. 26).

обдумывание, соби́рание сил. Она зата́нулась, преемники также не смогли найти конструктивного продолжения германской политики. Империя пыталась сохранять влияние на племенной мир германцев. Но, по большому счету, она оказалась больше не в состоянии контролировать правобережную Германию и перешла к обороне. Левый берег укреплялся, строились дороги и оборонительные сооружения – стены, рвы, башни. Деревянные постройки заменялись каменными, при легионных лагерях появлялись поселки; так вырос рейнский лимес.

Для Кёльна разгром Вара и последовавшее изменение германской политики означали, что не реализовался его исторический шанс стать важнейшим стратегическим пунктом на огромном пространстве от берегов Северного моря до Эльбы или даже до Вислы. Тем не менее, город остался главным форпостом Рима на Рейне. *Oppidum Ubiorum* выбрал центром Германии не кто-нибудь, а Август. Здесь находился посвященный императорскому культу алтарь. Такое место легко не сдают. Даже если бы отсутствовали реальные основания для его удержания, следовало сделать все возможное, чтобы их создать. В данном случае объективных предпосылок было предостаточно, поэтому Кёльн и после крушения планов по созданию *Germania magna* сохранил свое значение на протяжении последующих веков. Здесь располагалась ставка верховного командования крупнейшей военной группировки Империи. Через город Убиев пролегли коммуникации между двумя мирами, римским и варварским, отсюда же римляне пытались контролировать обстановку на Правобережье, привлекая на свою сторону отдельных вождей.

За время взросления одного поколения раскрылись и реализовались многие из преимуществ, которые опытный глаз римского офицера заметил уже при основании *oppidum*. На плодородных лесовых почвах Кёльнской бухты расположились многочисленные деревни и усадьбы³⁰. Ближайшие оказались сегодня на территории города, к примеру, хорошо изученная усадьба, находившаяся всего в нескольких километрах к западу от *oppidum* (ныне Кёльн-Мюнгерсдорф). Владельцы подобных *villae rusticae* составляли влиятельную часть зажиточных и богатых горожан, имевших роскошные дома также в пределах городских стен. На лучших землях выращивали в первую очередь пшеницу и ячмень, а также бобы, горох, чечевицу. Хорошие урожаи давали овощи. Культивировались яблоки, сливы, вишни, персики и грецкие орехи. Развивалось мясное и молочное скотоводство. В деревнях и усадьбах держали рогатый скот, свиней и птицу, овец и коз. В качестве тягловой силы использовали лошадей и ослов. Высокопродуктивное сельское хозяйство являлось основным источником дохода горожан, как и предпосылкой возникновения крупного городского поселения вообще. Не менее важно и то, что виллы и крестьян-

³⁰ См.: Gaitzsch W. Grundformen römischen Landsiedlungen im Westen der CCAA // Bonner Jahrbuch. 1986. Bd. 186. S. 397–428.

ские дворы региона снабжали продовольствием крупные воинские контингенты на рейнской границе³¹.

Oppidum Ubiorum стал важным ремесленным центром, для этого здесь имелись все необходимые условия. В прилегающей округе, в первую очередь на юго-востоке, в гористом Айфеле, расположены месторождения полезных ископаемых: свинца, железа, кремнецеинковой руды, золота, меди, угля. Для массового производства посуды использовалась качественная, в т.ч. белая, глина, а также песок и другие минералы. Гончарные мастерские строились вначале в западной части города, постепенно распространяясь за его пределы. Особенно много выявлено их в районе современного Рудольфплатц. Меньше найдено стеклодувных и литейных мастерских, хотя их продукция шла на экспорт и ее обнаруживают в соседних провинциях. Потребности местного населения удовлетворяло строительное дело, обработка кожи и сукна, выпечка хлеба, также имелись скотобойни и другие предприятия³².

Важнейшим условием успешного развития города являлось наличие крупной речной артерии, причем Кёльн расположен там, где Средний Рейн плавно переходит в Нижний. Из средневековья известно, что именно здесь перегружали товары, транспортировавшиеся по реке, с судов одного типа на другие. Это создавало особые выгоды для торговцев и всего населения, жившего в округе. Хотя для римского времени подобных сведений нет, известно, что удобная гавань принимала многочисленные плоскодонные торговые суда, в первую очередь с продуктами сельского хозяйства, а также строительными материалами и сырьем для Кёльнских ремесленников³³. К сухопутным путям, использовавшимся с незапамятных времен, добавились стратегические дороги, построенные римскими солдатами³⁴. Следует предполагать использование для торговли с *Germania magna* деревянного разборного моста³⁵.

³¹ Подсчеты показали, что на лесовых почвах на территории примерно 200 тыс. га между Кёльном и Аахеном собиралось не менее 80 тыс. тонн зерна. Если оценивать население этого региона в 150 тыс. чел., то при потреблении 1 кг в день им понадобилось бы в год почти 55 тыс. т. Товарное зерно предназначалось для снабжения рейнской армии, а также отправлялось вниз по Рейну в северо-западные районы Бельгии. См.: *Bechert T.* Op. cit. S. 60.

³² Перечисление профессий жителей ССAA со ссылками на источники: *Fremersdorf F.* Op. cit. S. 26–27. Cf.: *Riedel M.* Op. cit. S. 32–89; *Bechert T.* Op. cit. S. 69 f.

³³ *Ellmers D.* Rheinschiffe der Römerzeit // *Beiträge zur Rheinkunde.* 1973. Bd. 25. S. 25 f.; *Bechert T.* Op. cit. S. 64–66.

³⁴ *Hagen J.* Die Römerstraßen der Rheinprovinz. Bonn, 1931; *Doppelfeld O.* Kölner Wirtschaft von den Anfängen bis zur Karolingerzeit // *Zwei Jahrtausende Kölner Wirtschaft.* Köln, 1975. Bd. 1. S. 13 f.; *Riedel M.* Op. cit. S. 20–21; *Bechert T.* Op. cit. S. 62 f. Из ССAA отсчитывались мили региональных дорог: *Alföldy G.* Zwei neue Meilensteine aus Niedergermanien // *ES.* 1967. Bd. 4. S. 33 ff.

³⁵ Тацит сообщает, как Агриппина Старшая предотвратила разборку такого моста в 15 г. (*Tac. Ann.* I.69.1). О мосте сообщает и одна Кёльнская надпись на посвяtitельной стеле. См.: *Galsterer B., Galsterer H.* Neue Inschriften aus

Городской рынок выполнял функции центра экономической жизни региона, но не только. Здесь выставлялись и товары с Правобережья: мед диких пчел, меха и шкуры, окорока и гусиный пух, намывное золото и янтарь, женские волосы, германские рабы и многое другое – в соответствии со спросом со стороны легионеров, местного гражданского населения, а также италийских и других потребителей. В свою очередь, германцы охотно покупали вино, породистый скот и зерно, не говоря уже о предметах роскоши для знати³⁶. Важными добавлениями к местным продуктам служили товары из галльских провинций, а также из Британии. *Negotiator Britannicianus* по имени Гай Аврелий Вер, по-видимому, вольноотпущенник, известен по Кёльнской надписи, которую он посвятил Аполлону³⁷. Выгоды географического положения дополнялись благоприятным климатом Кёльнской бухты, защищенной от сильных ветров и резких колебаний температуры прилегающими невысокими горами и возвышенностями. Люди охотно обосновывались здесь, население края постоянно росло. Благодаря всем этим и другим преимуществам город Убиев и после отказа римлян от завоевания зарейнской Германии сохранил свое значение важнейшего форпоста Империи на Рейне.

Становился заметным и политический вес *oppidum Ubiorum*. На Нижнем Рейне располагалась самая большая и боеспособная армия Империи. Такая концентрация войск имела и нежелательные последствия. Когда в 14 г. умер Август, нижегерманские легионы отказались присягнуть его преемнику Тиберию и предложили стать императором Германику. Полные драматизма события, центром которых стал тогда город Убиев, воспроизвел Тацит³⁸. Его повествование в данном контексте представляет особый интерес, поскольку живой, полный драматизма рассказ историка дает возможность уточнить важные аспекты внутреннего устройства и организации жизни в недавно основанном поселении.

Один из вопросов, возникающих в ходе чтения текста «Анналов» – о местонахождении зимнего легионного лагеря. В литературе он до сих пор не нашел своего убедительного решения. Если О. Доппельфельд полагал, что в 14 г. н.э. постоянный лагерь располагался в пределах города³⁹, то В. Эку это представляется совершенно невероятным, поскольку размещение двух легионов, упомянутых Тацитом, потребовало

Köln II. Funde der Jahre 1980–1982... No. 5; *Bechert T.* Op. cit. S. 63 и 30 – фотография стелы.

³⁶ *Wolters R.* Op. cit. S. 89 f.

³⁷ CIL XIII. 8793; *Galsterer B., Galsterer H.* Die römischen Steininschriften aus Köln. Köln, 1975. № 4. Cf.: *Bechert T.* Op. cit. S. 72.

³⁸ *Tac. Ann.* I.31–44, 48–49. Ср.: *Vell.* II.125; *Suet. Tib.* 25; *Cal.* 1; *Dio Cass.* LVII.4; 25.

³⁹ По его мнению, легионы оставались в городе Убиев вплоть до 30-х гг., когда они были передислоцированы в Нойсс и в Бонн (*Doppelfeld O.* Das römische Köln I. Ubier-*Oppidum* und *Colonia Agrippinensium* // ANRW. 1975. Bd. 4. Tl. II. S. 720).

бы половины всей территории *oppidum Ubiorum*⁴⁰. Выбор ответа имеет принципиальное значение, поскольку наличие или отсутствие зимнего легионного лагеря в пределах городских укреплений могло во многом определять характер поселения в первые десятилетия его истории.

Весть о смерти Августа и переходе власти к Тиберию застала нижнегерманскую армию в летнем лагере. Все четыре легиона находились *in finibus Ubiorum* (Tac. Ann. I.31.3, comp. I.34 sq.), т.е. на территории, принадлежавшей общине убиев, их *civitas*. Предположительно, летний лагерь располагался в районе будущего Новезиума. Взбунтовавшиеся солдаты не только отказались присягнуть новому императору, вышли из подчинения полководцу и своим командирам, захватили армейскую казну, но вознамерились вначале разорить *oppidum Ubiorum*, а затем начать грабить города Галлии. То, что недавно основанное поселение представлялось легионерам желанной добычей, свидетельствует о его превращении в экономический центр с относительно высоким уровнем жизни. После того, как с помощью подачек удалось кое-как успокоить и разъединить мятежников, V и XXI легионы отправились в Ветеру, а легионы I и XX легат Авл Цецина отвел на зимовку *in civitatem Ubiorum*, т.е. в город Убиев⁴¹. Казалось, инцидент исчерпан, Германик временно отлучился в Могонтиак (Майнц).

После приведения к присяге верхнегерманского войска Германик возвратился «к алтарю Убиев»⁴². Из контекста совершенно ясно, что речь идет о поселении Убиев, где уже находились I и XX легионы, а также ветераны, каждый раз становившиеся зачинщиками бунта. Вызванный прибытием сенатской делегации, мятеж разгорелся с новой силой, поскольку ветераны предположили, что их собираются лишить уже полученных льгот. Поздней ночью, выломав дверь дома Германика (*domus Germanici*) и подняв его с постели, ветераны выну-

⁴⁰ Eck W. Köln in römischer Zeit... S. 119 (обсуждение вопроса и аргументация в целом на с. 116–120). В. Эк указывает, что легионный лагерь мог уместиться на площади 24 га (S. 117). Вблизи города Убиев, но вне его, помещают лагерь М. Гехтер и С. Шютте (*Gechter M., Schütte S. Op. cit. S. 79*), Й. Гайнрихс (*Heinrichs J. Vor dem oppidum Ubiorum. Münzen einer Zivilsiedlung im Kölner Domareal in ihren Aufschlüssen für das augusteische Köln // Römische Präsenz und Herrschaft im Germanien der augusteischen Zeit. Göttingen, 2007. S. 304–307*), а также некоторые другие исследователи.

⁴¹ В данном случае Тацит употребляет *civitas* и *oppidum* как синонимы. Такое словоупотребление может ввести в заблуждение. С одной стороны, *civitas Ubiorum* – это вся община убиев, расселенная на просторах Кёльнской бухты, т.е. *in finibus Ubiorum*. Если бы Тацит имел здесь в виду данное значение, было бы непонятно, куда повели I и XX легионы. Но так как *oppidum Ubiorum* все же был не просто укрепленным поселением, а центром региона с известным историком будущим, он употребил слово *civitas* в смысле «город», поскольку в его время это поселение имело статус *civitas*. Таким образом, это могло быть анахронизмом. Не исключено, правда, и то, что историк недостаточно знал регион (штрих к его биографии?).

⁴² *apud aram Ubiorum* – Tac. Ann. I.39.1. Таким образом, рассказывая о раннем Кёльне (до получения статуса *civitas*), Тацит употребляет три обозначения: *oppidum Ubiorum*, *civitas Ubiorum*, *apud aram Ubiorum* (ibid. I.36–39, сравн: XII.27.1). Эта «триада» характерна для Тацита.

дили полководца под угрозой смерти отдать им воинское знамя. Рассыпавшись по улицам города Убиев, они столкнулись с сенатской делегацией, направлявшейся к Германику. Глава делегации, консуляр Планк, укрылся в лагере I легиона, точнее, в здании штаба (*principia*), где в специальном помещении хранились воинские святыни. Ухватившись там за значки и за орла легиона, Планк спасся лишь благодаря заступничеству орлоносца, некоего Кальпурния. Только утром, при свете солнца, Германик решил прийти в лагерь (по-видимому, того же I легиона, поскольку на трибунал пригласили и прошедшего там бессонную ночь Планка) для обращения к воинам и наведения порядка (*Tac. Ann. I.39*).

Сообщения Тацита, в сопоставлении с данными археологии и с топографией местности, ясно указывают, что лагерь располагался на территории города. Ни разу историк не упоминает о том, что воинам, или сенаторам, или полководцу пришлось проходить через охраняемые ворота, будь-то лагерные или городские. А ведь германцы находились рядом, и даже при таких обстоятельствах стены и ворота, тем более ночью, не могли оставаться без стражи. Если бы это были раздельные территории, то Планку при бегстве от ветеранов пришлось бы преодолеть двое ворот (городские и лагерные) с воинскими караулами, да еще пространство между ними. В этом случае сенатору вряд ли удалось бы спастись. Следовательно, город и лагерь образовывали единое охраняемое пространство. Еще одна деталь – выломанная дверь дома Германика. Речь идет явно не о лагерной палатке, а о претории (*pretorium*), где он жил со своей семьей. Как и позднее, он находился в городе, между *cardo maximus* и Рейном (его рукавом). И вновь очевидно, что описание Тацита, рассказывающего о местонахождении полководца, воинов и ветеранов, не выходит за стены города Убиев (*I.39.1*).

В следующей главе Тацит повествует о том, как Германик умоляет свою беременную жену, Агриппину Старшую, покинуть вместе с сыном место, где беснуются «озверевшие насильники» (*I.40*). Далее место действия прямо называется римским военным лагерем, который сравнивается с городом, захваченным врагами. Более того, складывается впечатление, что здесь Тацит умышленно стирает грань между «лагерем» (*castrum*) и «городом» (*urbs*) (*41.1*). Агриппина, наконец, поддается на уговоры и вместе со своими служанками отправляется в Августу Треверов. Воины, услышав плач и стенания проходящих мимо женщин, выходят (можно себе представить: едва очнувшись после ночных подвигов) из палаток, чтобы выяснить, что же такое происходит. Здесь настроение распоясавшейся солдатни, почувствовавшей, что переступается некая черта, начинает меняться. Больше всего легионеров задело то, что внучка Августа и дочка Агриппы, вместе с росшим в их лагере двухлетним Калигулой, уходят искать спасения у чужаков-треверов (*ibid. 41*). В приводимой далее Тацитом речи Германика (если и сочиненной самим историком, то на основании собранной информации) обращает на себя внимание фраза, согласно которой воины «силой оружия не выпускают за лагерный вал сына

своего императора» (ibid. 42). Германик, усыновленный Тиберием по указанию Августа, имел здесь в виду себя самого. Поскольку он проводил Агриппину с сыном от претория, то из этого отрывка также следует, что преторий (в городе) и лагерь окружал один и тот же вал⁴³.

Не останавливаясь подробно на всех перипетиях драматических событий, попытаемся сопоставить данные, о которых попутно сообщает историк. Город и легионный лагерь представляли собой части единого целого, обнесенного общими, т.е. городскими, стенами. Преторий и солдатские палатки находились по соседству друг с другом. Агриппина с сопровождавшими ее женщинами проходили мимо лагеря. Они направлялись в Августу Треверов, т.е. в юго-западном направлении, и им было незачем, подвергая себя опасности со стороны бунтарей, идти через лагерь, находящийся за северными воротами (что вытекает из трактовки В. Эка), чтобы потом непонятно как выбираться на верную дорогу⁴⁴. Ведь единственные северные ворота открывали дорогу на Новезиум. С западной стороны находилось трое ворот, с южной – двое. На Августу Треверов/Трир, в юго-западном направлении, шла стратегическая дорога, построенная еще Агриппой. Она начиналась от южных ворот западной стены⁴⁵. От претория путь процессии к этим воротам лежал по *cardo maximus* мимо форума и священного участка, а затем, повернув направо, по *decumanus*, на оси которого сегодня лежит *Leonhard-Tietz-Straße* и далее *Bobstraße*. Солдатские палатки могли располагаться по левую руку, где юго-западный угол поселения имел небольшой выступ, или по правую, где позднее построили термы и некоторые храмы.

Но скорее всего, основной лагерь примыкал к первоначальной, сравнительно скромной постройке претория. По свидетельству Светония, Калигула родился в лагере и вскормлен в легионных палатках.

⁴³ Во времена Республики считалось предосудительным для наместника брать с собой в провинцию своих близких. Пример членов семьи Августа, и в первую очередь, Германика, помог разрушить это предубеждение. См.: *Szramkiewicz R. Les gouverneurs de province à l'époque Augustéenne*. P., 1975. P. 272 sqq.; *Haensch R. Das römische Köln als «Hauptstadt» der Provinz Germania inferior // Geschichte in Köln*. 1993. Bd. 33. S. 21; *idem. Capita provinciarum*. Mainz, 1997. S. 67. Р. Гэнш предполагает, что надежно засвидетельствованной каменной постройке претория предшествовала деревянная, в которой жил Германик (*domus Germanici – Tac. Ann. I.39.3, comp.: Suet. Vit. 8.1 f.*).

⁴⁴ Ср.: *Eck W. Köln in römischer Zeit...* S. 120. Дорога в направлении *Augusta Treverorum* была одной из трех, веером расходившихся к северу от Лиона. Они были заложены ее отцом, Агриппой. Ее сохранившиеся фрагменты, под названием „*Agrippa-Straße Köln-Trier*“ сейчас реконструируются как археологический памятник.

⁴⁵ Дорога за этими двойными воротами сразу поворачивала на юго-восток, затем выходя на современную *Luxemburger Straße* и далее через *Tolbiacum (Zülpich)* вела в Трир и Лион. Фрагмент фундамента ворот (элемент 27, по нумерации участков стены О. Доппельфельда, или 41, по У. Зюсенбаху) находится сейчас в подвале дома по *Clemensstraße 3*. См.: *Süßenbach U. Die Stadtmauer des Römischen Köln*. Köln, 1981. S. 68. Мы исходим из установленного факта, что позднейшая каменная стена практически повторяла конфигурацию первоначального вала (включая ворота), о чем говорится далее.

Поэтому процессия оказалась рядом с лагерем сразу после выхода из здания претория, плач и стенания женщин привлекли внимание солдат, часть их пошла за печальной процессией в южном направлении по *cardo maximus*. Большинство же воинов возвратилось к Германику, который обратился к ним с увещеваниями (*Tac. Ann. I.40–41*). Таким образом, проведив со ступенек претория жену с ребенком, полководец легко перешел в лагерь и поднялся на трибунал. Такая ясная картина происходившего, по Тациту, складывается, только если допустить, что легионеры находились в пределах городских стен, причем в непосредственной близости от претория. Наиболее подходящим местом видится территория к западу, отделенная от ставки главнокомандующего лишь *cardo maximus*.

Прежде чем рассмотреть археологические свидетельства, позволяющие верифицировать это предположение, поставим вопрос: действительно ли тогда было недопустимым занять существенную часть территории *oppidum* под лагерь? Город заложили с перспективой превращения в относительно крупный центр, но трудно представить, что там сразу поселилось необходимое число жителей. А ведь его следовало сначала построить. На первых порах это делали легионеры. Правильная планировка, совершенная техника строительства «монумента Убиев», массивные фундаменты претория и другие постройки неопровержимо доказывают это. Известно, что в пору расцвета население римского Кёльна достигало от 20 до 40 тыс. человек. В начальный период строительства города не составляло труда найти место для палаточного лагеря даже на 8–10 тыс. солдат⁴⁶. Ситуация менялась медленно, в течение десятков лет. Скорее всего, по мере готовности построек и роста городского населения воинский контингент, как и территория лагеря, сокращались. Легионы, а затем их подразделения, оставшиеся еще в *oppidum*, располагались в нескольких местах. Ветераны, только что уволенные или переведенные на положение вексиляриев (*Tac. Ann. I.36*), жили в *oppidum*, но уже вне лагеря.

Для объяснения изложенных событий достаточно признать возможным, что в 14 г. внутри городских стен размещались только отдельные части I и XX легионов, включая *principium legio I*, в котором и укрывался Планк. Остальные подразделения могли иметь свой лагерь неподалеку, у северной стены, а какие-то когорты, возможно, уже находились в Альтебурге, где позднее базировалась рейнская флотилия – *classis Germanica*⁴⁷.

⁴⁶ В. Эк подчеркивает решающую роль Рима в основании города Убиев и, соответственно, легионеров в его строительстве. При этом установлено, что убины не особенно торопились селиться в городе. См.: *Eck W. Köln in römischer Zeit... S. 116–120; S. 94–97, 750 + Anm. 42; Hellenkemper H. Oppidum und Legionslager in Köln. Überlegungen zur frühromischen Topographie // KJb. 1972/3. Bd. 13. S. 59 ff.; Päffgen J., Zavier W. Überlegungen zur Lokalisierung von Oppidum Ubiorum und Legionslager im frühkaiserzeitlichen Köln // Provinzialrömische Forschungen (Festschrift G. Ulbert). Espelkamp, 1995. S. 111–129.*

⁴⁷ *Caroll M, Fischer Th. Archäologische Ausgrabungen 1995/6 im Standlager der römischen Flotte in Köln Marienburg // KJb. 1999. Bd. 32. S. 519–568; Ha-*

Предлагаемая здесь реконструкция находит подтверждение также в топографии города и в ряде археологических материалов. В районе, где сейчас находится знаменитый Кёльнский Дом (кафедральный собор Св. Петра и Марии), на одном из обломков найденной там аретинской керамики обнаружено граффито, в котором упоминается XIX легион⁴⁸. Этот легион, как известно, прекратил существование в 9 г. н.э., при разгроме армии Вара. Таким образом, граффито относится к первым годам н.э. Т.к. керамика этого типа тогда только начала изготавливаться, она, скорее всего, могла принадлежать офицеру, захватившему ее с собой из Италии или приобретшему по высокой цене. Имеются и другие «следы» военных в данном квадрате. С северной стороны Дома найдены остатки укреплений из земли и дерева. На основании изучения сохранившихся фундаментов зданий один из ведущих исследователей Кёльнских древностей Г. Прехт счел в свое время возможным прийти к заключению, что в этом районе, т.е. в северо-восточном углу римского города, прослеживается «военная» архитектура. Даже исследователи, которые скептически относятся к выводам Прехта, признают, что здесь мы имеем дело с «особой территорией»⁴⁹. Не исключено, что в дальнейшем будут обнаружены и другие участки со следами длительного присутствия легионеров.

Обстановка вокруг *oppidum Ubiorum* в первые десятилетия его существования оставалась тревожной. Наличие легионеров рассматривалось убиями в качестве преимущества: близость несметных орд германцев была очевидной. От присутствия воинских контингентов поселение смогло отказаться лишь с укреплением лимеса во второй половине правления Тиберия. Размещаясь неподалеку, за городским валом, а также в Альтебурге и далее в Бонне и в Нойссе, они постепенно освобождали место для растущего населения города Убиев. Со временем вокруг него начали возводиться мощные каменные стены. Но этому предшествовала одна серьезная перемена.

В 50 г. в *oppidum Ubiorum* была выведена колония ветеранов и он обрел статус города италийского права⁵⁰. Поселение стало называться *Colonia Claudia Ara Agrippinensium* (в надписях – ССAA). В повседневной речи употреблялось более краткое название – *Colonia*

nel N. Die Umwehrgung des römischen Flottenlagers Alteburg in Köln-Marienburg // *Ibid.* S. 569–625.

⁴⁸ Надпись: PRIN[CEPS] LEG[IONIS] XIX. Впервые опубликована: *Doppelfeld O.* Rom am Dom. Köln, 1970. S. 7. Taf. 10.

⁴⁹ *Precht G.* Die Ausgrabungen um den Kölner Dom. Vorbericht über die Untersuchungen 1969/70 // *KJb.* 1971. Bd. 12. S. 52 ff.; cf.: *Gechter M., Schütte S.* Op. cit. S. 93 (авторы не соглашаются с Прехтом, но признают, что участие военных в строительстве было необходимостью и даже указывают на прямоугольный участок площадью 2,5 га в северной части города Убиев, где могла размещаться вексиляция XIX легиона).

⁵⁰ Это зафиксировано в Дигестах Юстиниана (Dig. L.15.8.2: *In Germania inferiore Agrippinenses iuris Italici sunt*). Таких колоний было всего три от берегов Атлантики до Рейна (две другие – Лион и, неподалеку от него, Виенна). Статус давал дополнительные льготы для граждан, в частности, послабления в налогообложении.

Agrippinensium (*Tac. Hist.* I.56 sqq.; IV.20, 25 etc.), *Claudia Ara* или просто *Ara*⁵¹. С сер. III в. используется также наименование *civitas Agrippinensium*, *Colonia Claudia Agrippina* и *Colonia Agrippina*. Последнее название в литературных памятниках IV в. встречается наряду с *Claudia Agrippina* или просто *Agrippina*. Жители называли себя *Agrippinenses* – агриппинцы. На закате Римской империи и в франкско-карolingский период писали и просто *Colonia* – это написание встречающееся у Григория Турского, Фредегара, превращается позднее в немецкое *Coellen – Cölln* – современное написание *Köln*, французское и английское *Cologne* и т.д.⁵² Несомненно, это одно и то же поселение на различных этапах его развития. Соответственно, в дальнейшем при обозначении города мы будем употреблять полное и сокращенные латинские обозначения, аббревиатуру ССAA, «Колония Агриппины», «Колония» и «Кёльн».

Обретение нового статуса произошло по инициативе Агриппины Младшей, жены императора Клавдия, решившей таким образом почтить место своего рождения (*Tac. Ann.* XII.27.1). Агриппина добилась своей цели путем выведения в город Убиев колонии ветеранов, названной ее именем⁵³. За этим стоял политический расчет. Тацит, сообщая об описываемом событии, прямо указывает на желание Агриппины продемонстрировать свое влияние. Целью являлось не просто заявить о себе как самостоятельной политической фигуре, но и подчеркнуть непосредственную, личную связь с нижнегерманскими легионами, на которую она претендовала уже в силу своего происхождения⁵⁴. Жаждавшая власти Агриппина хорошо понимала роль армии в новой государственной системе. Учитывая непопулярность Клавдия в войсках, она стремилась заполнить образовавшийся вакуум по этой

⁵¹ Полное название означает: Колония <римских граждан> «агриппинцев», основанная императором Клавдием у Алтаря <Августа и Ромы>. См.: АЕ. 1929. 210; CIL. VI.3175–XIV.208 etc.; *Fremersdorf F.* Op. cit. S. 18–19.

⁵² *Binsfeld W.* Die Namen Kölns zur Römerzeit // *Mouseion.* 1960. S. 72 f.

⁵³ В связи с этим возникает вопрос о том, была ли для этой цели изъята часть земли у союзников-убиев. Представляется, что для расселения ветеранов внутри городских стен могла быть использована территория находившегося здесь ранее легионного лагеря, а свободной земли за пределами города было достаточно. Убии, в первую очередь уже обладавшие римским гражданством, были юридически приравнены к колонистам. Значительную часть колонистов составляли ветераны рейнских легионов, которые давно не были здесь чужаками. Упоминаний о каком-либо противостоянии двух групп населения нет. Об успешном процессе их интеграции свидетельствуют события 70 г. (см. далее). Подробнее об основании колонии см.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit... S. 127–177, в частности, о последних – S. 152–161.

⁵⁴ Агриппина Младшая была правнучкой Августа и внучкой Агриппы (со стороны матери Агриппины Старшей), которые заложили город Убиев. С другой стороны, она была внучкой Друза и дочерью Германика, самых известных завоевателей Большой Германии. О происхождении и генеалогии Агриппины Младшей см.: *Eck W.* *Agrippina die Stadtgründerin Kölns. Eine Frau in der frühkaiserzeitlichen Politik.* Köln, 1993. S. 8–12.

важнейшей позиции⁵⁵. Таким образом, несмотря на последующее *damnatio memoriae* (Tac. Ann. XIV.12; Dio Cass. LXI.16.2), ее имя оказалось навсегда вписано пусть не в название, но в историю города.

Колония Агриппинцев развивалась как крупный экономический центр. Но особенно возрастало военное значение города как форпоста Империи на рейнской границе. В то время армия играла все большую роль в государстве, являясь важным политическим фактором, и сосредоточение в регионе больших и боеспособных воинских соединений имело серьезные последствия⁵⁶. Нерон, последний император династии Юлиев-Клавдиев, успел оставить след в истории ССАА. Согласно тексту одной надписи, по его распоряжению легионеры построили для города некое крупное здание⁵⁷. После его свержения и начала новой гражданской войны, когда за два года сменились четыре императора, Кёльн вновь стал ареной важных событий. В конце 68–начале 69 гг. верховным командующим на Рейне был Вителлий, всеми путями стремившийся завоевать популярность у солдат. Ночь с 1 на 2 января 69 г. легат проводил как обычно, на очередной пирушке в одном из триклиний Кёльнского претория. Там нашел его знаменосец четвертого легиона, сообщивший, что верхнегерманские легионы отказались присягнуть провозглашенному императором Гальбе. Спустя короткое время взбунтовавшиеся солдаты объявили Вителлия императором. Как сообщает Тацит, инициативу проявил I легион, пришедший в *Colonia Agrippinensium* из зимнего лагеря *Bonna* (Бонн). В повествовании об этих событиях Светоний упоминает некоторые подробности, воссоздающие живописные картинки происходившего. Солдаты вытащили Вителлия из спальни (частные покои главнокомандующего в претории) в домашней одежде. В руку ему вложили обнаженный меч божественного Юлия Цезаря, который, якобы, сообщил Вителлию императорское величие. Меч взяли из находившегося поблизости от претория храма Марса, где он символизировал военную удачу Рима и

⁵⁵ Тацит многократно подчеркивает властолюбивые устремления Агриппины (Ann. XII.3.1; XII.7 sq. etc.). Настояв на добавлении своего имени к названию города, Агриппина, в частности, хотела показать, что ничем не уступает своему мужу – императору Клавдию. Главный город Трех Галлий, Лугдунум, получил статус колонии в 43 г., а в 48 г. – дополнительное имя *Claudia*, поскольку в нем в 10 г. н.э. родился будущий император (Suet. Claud. 2.1. Cf.: Galsterer-Kroll B. Untersuchungen zu den Beinamen der Städte des Imperium Romanum // Epigraphische Studien. 1972. Bd. 9. S. 118; Haensch R. Die Colonia Claudia Ara Agrippinensium: ein typischer Statthaltersitz? // KJb. 1999. Bd. 32. S. 649 f.).

⁵⁶ Во второй половине I в. н.э. на нижнегерманском лимесе протяженностью ок. 320 км располагалось примерно 40 больших и малых укрепленных пунктов, в которых размещалось порядка 40 тыс. воинов. Это составляло почти 1/6 часть всей армии Римской империи (Bechert T. Op. cit. S. 141).

⁵⁷ AE. 1969/70. P. 443; Galsterer B, Galsterer H. Die römischen Steininschriften... No. 178; Eck W. Eine Bauinschrift Neros aus Köln // KJb. 1972/3. Bd. 13. S. 89–91.

роль колонии Агриппины как военного форпоста Империи⁵⁸. Новоиспеченного императора, приветствуемого воинами и населением города, провезли на колеснице по самым оживленным улицам. Светоний сообщает еще одну интересную деталь: вернуться в преторий Вителлия заставил вспыхнувший от камина пожар в столовой⁵⁹.

В те дни жители Колонии увидели немало такого, что надолго врезалось в их память и лишило безмятежного сна: расправы солдат над неугодными командирами, пятна крови на мостовых и трупы, плывущие вдоль берега Рейна. По улицам проносились посыльные с пакетами, неуверенной походкой проходили подпившие легионеры, а иногда со ступенек претория выносили самого Вителлия, который, «предвкушая положение принцепса, ... проводил время в праздности, роскоши и пирах, среди бела дня появлялся на людях, объевшийся и пьяный» (*Tac. Hist.* I.62).

В заключение событий гражданской войны 68–69 гг., окончившейся победой Веспасиана, в Нижней Германии разгорелось восстание Цивилиса, поднявшего против римлян племя батавов. К ним присоединились отдельные галльские, а также многочисленные германские племена, в т.ч. с Правобережья. Восставшие, воспользовавшись ослаблением государства, добились серьезных успехов. Убии, сохранявшие верность Риму, потерпели ряд поражений. На карту было поставлено само существование города. Племена «свободной» Германии жаждали покончить с колонией Агриппинцев, поскольку «этот большой и богатый город вызывал слепую ненависть»⁶⁰. Делегация тенктеров от имени всех германцев предъявила требования декурионам. Особое негодование, судя по заявлениям послов, вызывало то, что римляне разрешали германцам входить в город только «безоружными, полуголыми, под наблюдением конвоиров и за деньги». При этом имелась в виду как отдельные посещения с целью торговых контактов, так и некие визиты, по словам тенктеров, «для обсуждения наших дел» (*Tac. Hist.* IV.63–64).

Разумеется, при посещении Колонии германцы проходили досмотр. Можно себе представить, как они при этом снимали накидки из звериных шкур или материи, под которыми могло прятаться оружие. Оно изымалось на хранение. Для покрытия всех этих «услуг», как и за право торговать, взималась пошлина. Кёльн являлся крупным цен-

⁵⁸ *Suet. Vit.* 8.1. О происхождении этого меча можно строить догадки. Автор одной из первых книг об античном Кёльне высказал предположение, что это был подарок городу от Агриппины (*Klinkenberg J.* Op. cit. S. 219). Сохранилось предание, что меч символизировал победу над эбуронами. О предполагаемых археологических следах храма Марса между преторием и алтарем Убиев, на месте нового музея Вальрафа-Рихартца, см.: *Wolff G.* Op. cit. S. 174.

⁵⁹ *Tac. Hist.* I.56 sqq.; *Suet. Vit.* 7, 8; 14.1; *Plut. Galba.* 22–23.1.

⁶⁰ *Tac. Hist.* IV.63, ср.: IV.28. Ср.: комментарий Г.С. Кнабе: «Убии, издавна романизованные, были богаче и культурнее остальных германских племен, что вызывало ненависть последних» (*Корнелий Тацит. Сочинения в 2-х тт. М.; Л., 1970. Т. 2. С. 293*).

тром торгового обмена между двумя мирами: античным и варварским, – и на границе осуществлялись рутинные процедуры.

Особого рассмотрения заслуживает вскользь брошенное замечание о неких совещаниях германцев, происходивших в ненавистном им (всем ли?) городе. Судя по всему, речь идет о встречах представителей германских племен, в первую очередь зарейнских, включая тенктеров. Послами употреблено прошедшее время, но со времени битвы в Тевтобургском лесу прошло более полувека. Непохоже, чтобы спустя два поколения «свободные германцы» так живо вспоминали подробности далекого прошлого. Поэтому, надо полагать, «обсуждения» проводились вплоть до начала восстания в 69 г., по крайней мере, до начала гражданской войны в 68 г. Но с чего бы это германцам решать свои дела в римской Колонии? Не продолжали ли функционировать квазипровинциальные собрания, те самые, что, вместе с культом Ромы и Августа, учредили здесь 75 лет тому назад для Большой Германии? В обвинении тенктеров: римляне «ухитрились отнять у нас даже самое небо», – похоже, говорится об императорском культе, продолжавшем торжественно отправляться участниками собрания все у того же алтаря⁶¹.

Этот чрезвычайно важный пассаж Тацита еще не привлек должного внимания исследователей. Возможно, перед нами свидетельство продолжавшихся регулярных встреч представителей германских племен, включая жителей Правобережья⁶². Не исключено, что как и три четверти века тому, еще функционировало «провинциальное собрание» без провинции – институт, аналогий в Римской империи не имевший. Его долготельство – лишнее подтверждение и объяснение важного места Кёльна с его алтарем как центра германской политики Империи. С самого начала это была не обычная провинция, не обычное провинциальное собрание, а культ отправлялся у алтаря с не совсем обычным названием. Все это – полуфикция, полуреальность, но именно такие феномены оказываются подчас особенно живучими. Империя никогда не отказывалась от претензий на Большую Германию, пытаясь сохранять свое влияние всеми доступными методами: дирижируя усобицами и подкупая сторонников, беря в заложники сыновей знати и затем ставя их во главе племен, а при необходимости – совершая военные экспедиции для наказания и устрашения. Но

⁶¹ В свое время Арминий возмущался тем, что германцев заставляли поклоняться у алтаря простому смертному, т.е. Августу (*Tac. Ann.* I.59). Каким могло быть название в это время: алтарь Убиев или Агриппинцев, или Германцев?

⁶² В литературе высказывались различные мнения о судьбе алтаря Убиев после 9 г.: алтарь сохранил лишь муниципальное значение (*Deininger J. Die Provinziallandtage...* S. 112 f.; *Fishwick D. The Imperial Cult in the Latin West. Leiden etc.*, 1987. P. 139); на нем отправлялся культ провинции Нижняя Германия (*Petricovits H. Rheinische Geschichte. Altertum. Düsseldorf*, 1978. S. 123; *Riedel M. Köln...* S. 14) или культ обеих германских провинций (*Stein E. Die kaiserlichen Beamten und Truppenkörper im römischen Deutschland unter dem Prinzipat. Wien*, 1932. S. 36 f.).

для укрепления имперской идеологии и популярности очередного обладателя престола стоило поддерживать также видимость эффективной, успешной политики.

Вернемся к событиям 70 г. Тенктеры в заключение потребовали, чтобы убии срыли стены, убили всех римлян, находящихся на их территориях, а имущество убитых раздали в общее пользование. Землю следовало вернуть во всеобщее достояние, и в целом – вернуться к древним германским установлениям (*Tac. Hist. IV.63–64*).

Убии оказались перед тяжелой дилеммой. Они не могли отказаться от своего уже римского образа жизни, к тому же отдав свой город и имущество на разграбление врагам. Просто отвергнуть требования тенктеров в сложившейся ситуации представлялось невозможным. Основательно подумав, жители колонии дипломатично высказали радость по поводу воссоединения с соплеменниками. В то же время они указали на неразумность сношения стен ввиду приближения римского войска (шли легионы, верные новому императору Веспасиану). В сформулированном в высшей мере осторожно ответе особенно интересна часть, касающаяся проживавших на землях убиев римлян: чужаков не осталось, а «те римляне, которых когда-то переселили сюда, издавна женятся на наших женщинах, они породнились с нами, здесь – их родина и родина их детей. Неужели вы будете столь жестоки и потребуете от нас, чтобы мы собственными руками убивали своих родителей, своих детей и братьев?» Надо думать, что эта характеристика этнического состава населения ССАА в определенной мере отражала действительное положение дел по прошествии почти столетия после основания *oppida Ubiorum* и двадцати лет после основания колонии⁶³.

Декурионам города удалось добиться компромисса. Агриппинцы формально присоединились к бунтовщикам, частично согласились на требования тенктеров, в том числе на отмену пошлины и свободный вход в город, но только безоружным германцам и только в дневное время (*Tac. Ann. IV.65*). Вскоре, осенью 70 г., войско Цивилиса потерпело поражение, восстание было жестоко подавлено. Был восстановлен прежний статус колонии Агриппинцев. В источниках нет упоминания о наказании города за вынужденное участие в антиримском восстании. Безусловно, перевесил отказ выдать римских граждан и сохранение городских стен. Более того, ССАА предстояло еще повышение статуса в системе организации Империи.

Спустя полтора десятилетия после описанных событий Колония Агриппины стала главным городом провинции (*provinciae caput*). Это явилось результатом долгого поиска адекватного места для прирейнских территорий в административном устройстве Империи. Наиболее сложным оказался идеологический аспект этой проблемы. В соответ-

⁶³ Тацит считал, что причиной ненависти прочих германцев было то, что убии отреклись от своего народа и приняли имя агриппинцев (*Tac. Hist. IV.28*). Ср.: *Hachmann R., Kossack G., Kuhn K. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, 1962; Weisgerber J. Die Namen der Ubier. Köln; Opladen, 1968.*

ствии с традицией, шедшей от времен Юлия Цезаря, территории по левому берегу Рейна относились к Галлии. С другой стороны, будучи населены преимущественно германцами, они являлись частью Германии, которая мыслилась как страна, вместе с правобережными территориями, до Эльбы, превращенная в провинцию. Так сформулировал положение дел Август в своем «политическом завещании» (RGDA. 26). Но данная идеологическая фикция имела мало общего с реальностью. Правобережная Германия не входила в состав Империи, а территория вдоль левого берега Рейна со времен Тиберия административно состояла из двух военных округов: Верхне- и Нижнегерманского. Они управлялись *legati Augusti exercitus Germanici superioris* и, соответственно, *inferioris*. Несмотря на огромное стратегическое значение этого региона, после крушения грандиозных планов Августа учреждение куцей провинции на левом берегу Рейна выглядело бы как признание собственного поражения.

Решающий шаг сделал Домициан, который не слишком дорожил традициями. Через 70 лет после смерти Августа и отказа Тиберия от Большой Германии, Домициан захватил сравнительно небольшую, хотя и важную область между верховьями Рейна и Дуная – Декуматские поля (*Decumates agrī*)⁶⁴. Около 85 г. н.э., после пышного триумфа учредили две новые, сравнительно небольшие провинции⁶⁵. Ими стали *Germania superior* (Верхняя Германия) с главным городом *Mogontiacum* (ныне Майнц), в нее, собственно, и вошли вновь завоеванные территории, и *Germania inferior* (Нижняя Германия) с главным городом *Colonia Claudia Ara Agrippinensium*.

Многое ли изменилось в Кёльне с приобретением нового статуса? В целом можно ответить отрицательно, не случайно точная дата этого события не отразилась в анналах истории. Колония фактически давно играла эту роль. Победы и триумф Домициана были фарсом (*Plin. Paneg.* 16–17; *Dio Cass.* LXVII.7), а образование провинций – видоизменением старой фикции. Следует подчеркнуть, что «столица» не получила привилегий в смысле особого финансирования из центральной казны или преимуществ в распределении государственных заказов, официальных налоговых льгот, строительства роскошных резиденций с пышным двором, – всего того, что могло бы происходить в эпохи абсолютизма или госкапитализма с его всемогущей бюрократией.

⁶⁴ Термин *decumates*, возможно, кельтского происхождения. Старый перевод «Десятинные поля» в настоящее время не употребляется.

⁶⁵ Точное время учреждения двух германских провинций неизвестно. В 83 г. Домициан, вернувшись в Рим, отпраздновал триумф над германцами и получил почётное имя Германик. Первое упоминание о *Germania superior* относится к 27 октября 90 г. в одном военном дипломе: CIL. XVI.36. Между этими двумя событиями, а именно в 85 г., в Риме были выпущены монеты с надписью *Germania capta* («Германия захвачена»). См.: ВМС Emp. II. P. 362. №. 294. Это официальное провозглашение захвата страны и было, по видимому, основанием для изменения статуса территорий, фактически уже давно управлявшихся легатами императора. См. также: *Raepsaet-Charlier M.T. Germania inferior et Germania superior // Latomus.* 1973. T. 32. P. 158 ff.; *Eck W. Köln in römischer Zeit...* S. 217 ff.

Кёльн вообще на протяжении своей истории мало вкусил от «господской» щедрости, но развивался и достигал процветания, рачительно используя собственные ресурсы и возможности. Разумеется, нахождение в городе наместника и его аппарата, присутствие многочисленных просителей и гостей, как и расположение в регионе крупных воинских контингентов и флота, благоприятно сказались на экономическом развитии. Это сулило населению тем большие выгоды, что Домициан еще в начале своего правления поднял на одну треть жалование всем воинам⁶⁶.

Мы не располагаем сколько-нибудь подробным описанием того, как функционировала администрация Нижней Германии. Но в основных чертах она не могла принципиально отличаться от администрации остальных регионов Империи⁶⁷. Официальный титул наместника звучал как *legatus Augusti pro praetore provinciae Germaniae inferioris*. Большинство его коллег распоряжались, кроме прочего, еще и казной. Исторически в Германии сложилось иначе (как и примерно в 20% других провинций). Когда-то, планируя завоевание Большой Германии на фронте огромной протяженности и с несколькими командующими, Август решил сосредоточить финансирование в глубоком тылу, в главном городе Белгики. Там, в Августе Треверов (Трир), и находился специальный прокуратор. Этот порядок сохранили, так что после учреждения Германий *procurator Belgicae et duarum Germaniarum* распоряжался финансами трех провинций. К тому времени нижнегерманские легионы со ставкой в Кёльне уже дважды (в 14 и в 68–69 гг.) отказывались признать власть законного императора, и отделение финансов от самой большой армейской группировки явилось разумной предосторожностью. В ССАА находилось лишь представительство прокуратора, через которого производились необходимые расчеты и выплаты наместнику⁶⁸.

Кроме финансов, полномочия наместника Нижней Германии практически не ограничивались. В их основе лежал империй – высшая гражданская и военная власть, дававшая с древнейших времен ее обладателю также право судить граждан. Наместника провинции,

⁶⁶ *Suet. Domit. 7.3.* Различные стороны устройства и повседневной жизни ССАА как столицы провинции освещались Р. Гэншем и В. Эком: *Haensch R. Das römische Köln...* S. 5 ff.; *idem. Die Colonia Claudia Ara Agrippinensium...*; *Eck W. Die Anfänge des römischen Köln und seine politisch-administrative Stellung in der hohen Kaiserzeit // GiK. 1979. Bd. 4. S. 4–24; Eck W. Köln in römischer Zeit...*, особенно S. 273 ff. etc.

⁶⁷ См.: *Колосовская Ю.К.* Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии // ВДИ. 1988. № 4; *Eck W. Niedergermanische Statthalter in Inschriften aus Köln und Nettersheim // Bonner Jahrbücher. 1984. Bd. 184. S. 97–115; idem. Die Statthalter der germanischen Provinzen vom 1–3 Jahrhundert. Köln; Bonn, 1985; Haensch R. Capita provinciarum. Mainz, 1997.*

⁶⁸ В Кёльнских надписях засвидетельствованы управляющие финансами (*dispensatores*): *Galsterer B, Galsterer H. Die römischen Steininschriften...* 193 = AE. 1974. 449; *eidem. Neue Inschriften aus Köln II...* 26 = AE. 1984. 664. В городе должны были также находиться управляющие собственностью императора. См.: *Eck W. Köln in römischer Zeit...* S. 264–272.

как проконсула, сопровождали пятеро ликторов с фасциями, символизировавшими право высшего магистрата на месте решать вопрос о жизни и смерти⁶⁹. Он принимал окончательное решение по важнейшим уголовным делам, тем, что могли повлечь тяжкие наказания с нанесением ущерба отдельным органам или лишением жизни. Только наместник мог принимать решения по гражданским делам, если речь шла о значительной спорной сумме, скажем, от 1000 сестерций. По текущим вопросам, находившимся в компетенции органов самоуправления, наместник выступал в качестве контрольной или апелляционной инстанции. В случае проведения крупных мероприятий, таких как строительство амфитеатра или городских укреплений, требовалось его утверждение. Императорскому легату приходилось также вмешиваться при столкновении интересов различных общин или группировок внутри общины, или если для проведения какого-либо мероприятия следовало применить силу⁷⁰. Наместник и члены его штаба принимали решения и вершили суд не только в главном городе, но также в ходе регулярных поездок по своей провинции⁷¹.

Таким был обычный круг обязанностей и полномочий любого римского наместника в Империи, от Темзы до Евфрата. Имеются и конкретные свидетельства из Кёльна. В первую очередь, это уникальный археологический комплекс – преторий (*praetorium*), или дворец наместника провинции Нижняя Германия⁷². Его массивные стены обнаружили в 1953 г. в ходе расчистки руин ратуши (т.н. «Испанского строения»), оставшихся после бомбежек второй мировой войны. Раскопки и консервация проводились в 50–60 гг. под руководством Отто Доппельфельда. Восстановление здания осуществили таким образом, что к законсервированному в подвальном этаже остаткам (площадью примерно 180 x 180 м) обеспечен доступ посетителей. Остальную часть вскрытой (восточной) части внушительного архитектурного

⁶⁹ Германские военные округа, затем провинции, управлялись проконсулами. О пяти ликторах у наместника императорской провинции см., напр.: *Dio Cass.* LIII.13.8. Ср.: *Haensch R.* Das römische Köln... S. 22.

⁷⁰ *Nörr D.* Imperium und Polis in der Hohen Prinzipatszeit. München, 1969. S. 17 f.

⁷¹ О таких поездках сообщает Тацит: *Tac. Hist.* I.52.1; V.22.1; ср.: *Suet. Vit.* 8.1 (об инспекционной поездке Вителлия, назначенного наместником Нижней Германии, в декабре 68 г.).

⁷² Уникальность Кёльского претория заключается в его несомненной идентификации. Р. Гэнш, исследовавший письменные свидетельства о существовании *praetoria* в Империи, нашел их лишь для четверти из 48 провинций (*Haensch R.* *Capita provinciarum.* S. 375). Специально изучивший вопрос Ф. Шефер (*Schäfer F.F.* *Das praetorium in Köln und weitere Statthalterpaläste im Imperium Romanum: eine baugeschichtliche Untersuchung und eine vergleichende Studie zu Typus und Funktion.* Köln, 2005) считает, что лишь пять известных памятников могут быть надежно идентифицированы как дворцы провинциальных наместников. Кроме Кёльского, он подробно рассматривает претории следующих провинциальных центров: *Aquincum* (Будапешт, Венгрия), *Caesarea Maritima* (Кейсария, Израиль), *Carnuntum* (Петронель-Карнунтум, Австрия), *Apulum* (Алба-Юлия, Румыния) и *Dura Europos* (на берегу Евфрата в Сирии).

комплекса задокументировали и, кроме выходящей на площадь апсиды, засыпали. В настоящее время раскопки на прилегающей площади возобновлены⁷³.

Постройку характеризуют уже ее масштабы, а также количество обнаруженных *in situ* штемпелей на кирпичах (свыше 800), более нигде не встречающихся. Найденная еще в 1630 г. в непосредственной близости от ратуши надпись Квинта Тарквиция Катула⁷⁴, а также целый ряд других исторических свидетельств, позволили однозначно идентифицировать это строение в качестве претория. Вначале на этом месте находилась ставка командующего нижнегерманскими легионами и главнокомандующего всей рейнской армией, а затем – дворец наместника провинции. Здесь побывали многие известные герои римской истории, подчас разыгрывались события общеимперского значения и масштаба. Открывшаяся картина многочисленных перестроек показывает, что с размахом заложенное сооружение использовалось на протяжении длительного времени, максимально приспособиваясь к потребностям наместника и его аппарата. Изучение перестроек претория позволяет конкретизировать и наглядно представить важные моменты политической истории Кёльна⁷⁵.

Строительство претория началось еще в первые десятилетия I в. н.э. От первой капитальной постройки (период I) сохранились остатки двух параллельных, на расстоянии 4,2 м друг от друга, фундаментов из трахита. Их протяженность в меридиональном направлении – более 60 м. К этому же этапу строительства (время Тиберия) относится открытая почти в 30 м к югу небольшая апсида. Судя по всему, это остатки выполненной в камне ставки командующего нижнегерманскими легионами⁷⁶. Высказывавшееся мнение, что первоначально эта ставка располагалась в *Vetera (Xanten)*, не может быть принято, уже исходя из рассказа Тацита о событиях 14 г. н.э. В здании, являвшемся предшественником обнаруженного сооружения, или уже в нем самом, родилась в 15 г. дочь Германика Агриппина Младшая⁷⁷. Без сомнения, все это происходило в *oppidum Ubiorum*⁷⁸.

⁷³ Целью является создание археологического парка площадью ок. 10 000 м², основу которого составят раскопки претория и средневекового еврейского квартала. Работы продолжаются.

⁷⁴ Кёльнская «надпись Катула» – единственная на территории Римской империи, в которой однозначно читается слово *praetorium*: CIL XIII.8170 = Dess. 2298 = Galsterer B, Galsterer H. Die römischen Steininschriften... № 11. Durant C. Herrschaftsarchitektur: Das römische Praetorium der Stadt Köln // Quellen zur Geschichte der Stadt Köln. Köln, 1999. Bd. I. S. 30–34.

⁷⁵ См.: Doppelfeld O. Rom unter dem Rathaus. Köln, 1956; Precht G. Baugeschichtliche Untersuchung zum römischen Praetorium in Köln. Köln; Bonn, 1973; Neu S. // Ausgrabungen in Rheinland. 1983/4. Köln; Bonn, 1985. S. 238–242; Wolff G. Op. cit. S. 180–197.

⁷⁶ Precht G. Baugeschichtliche Untersuchung... S. 16 ff. Видимо, в этом претории (*praetorium I*) с 13 по 17 гг. жил с семьей Германик.

⁷⁷ День рождения Агриппины, 6 ноября, однозначно документирован в актах Арвальских братьев под 57 и 58 гг., когда были принесены посвященные

Второй период строительства претория (II) характеризовался существенным расширением его размеров, особенно в северном направлении. Среди важнейших конструкций укажем на «полукупольную постройку» – помещение длиной 45 м с двумя нишами в виде раковин по краям⁷⁹ и «дом у городской стены», соединенный с основным зданием «залом с колоннами». Хронологически этот этап строительства соответствует второй половине I в. н.э., когда город уже обладал статусом колонии. В этом претории, устраивая разнuzданные пирушки, неумеренно радовался императорскому титулу Вителлий.

С Колонией связаны и другие известные события. В 88 г. наместник Верхней Германии Луций Антоний Сатурнин убедил находившиеся под его началом два легиона выступить против Домициана. Сатурнин пытался связаться и с соседними провинциями, возможно также с хаттами. Но его нижнегерманский коллега Лаппий Максим не позволил вовлечь себя в заговор, как Вителлий два десятилетия тому назад, и во главе своих четырех легионов, вместе со вспомогательными частями и рейнской флотилией, немедленно двинулся из Колонии Агриппины на юг, к Майнцу. Эти события тем более взволновали агриппинцев, что один из нижнегерманских легионов, *legio I Minerva*, только недавно, в 83 г., сформировали из их молодежи. Еще до подхода императора с преторианцами из Рима и Траяна с испанским легионом узурпатор вместе со своими союзниками был разгромлен. Возможно, Домициан, щедро наградивший нижнегерманских солдат, почтил своим пребыванием и Кёльн⁸⁰.

Впрочем, и без этой сомнительной чести Кёльну повезло на побывавших в нем незаурядных людей, привносивших в жизнь далекой рейнской окраины особый флер. Командующим нижнегерманским войском, а затем наместником Нижней Германии, как уже говорилось, мог стать только сенатор-консуляр, т.е. представитель римской элиты. Многих из них мы знаем лишь по именам. Кроме членов императорской фамилии при Августе и Тиберии, заслуживает упоминания Гней

ей жертвы (CIL. VI.2041 = Dess. 229). В качестве года рождения возможен и 16 г. н.э. См.: *Eck W. Agrippina die Stadtgründerin...* S. 8 + Anm. 2.

⁷⁸ *Tac. Ann. I.33–44*. Мнение о размещении ставки в Ветера высказывал Теодор Моммзен: *Mommsen Th. Römische Geschichte*. B., 1927. Bd. V. S. 108, 121. Cf: *Stein E., Ritterling E. Die kaiserlichen Beamten und Truppenkörper im römischen Deutschland unter dem Prinzipat*. Wien, 1932. S. 31 ff. В современной литературе преобладает иное мнение. Так, Вернер Эк аргументировано показал, что ставка нижнегерманских легионов и центр всего нижнерейнского региона со времени Августа и до конца римского владычества размещалась в городе Убиев/Колонии Агриппине: *Eck W. Die Anfänge des römischen Köln...* S. 16–17; *Eck W. Köln in römischer Zeit...* S. 77 ff., 242; *Haensch R. Das römische Köln...* S. 16 sqq. + Anm. 31.

⁷⁹ Т.н. *Konchenbau* – от греч. «*concha*», раковина.

⁸⁰ Единственное упоминание у Плиния Младшего (*Plin. Paneg. 82.4*) не позволяет определить, в каком из мест на Рейне побывал Домициан. Ср.: *Suet. Domit. 6.2*.

Домиций Корбулон, победитель хавков в 47 г.⁸¹, позднее успешно управлявший провинциями в Малой Азии и Сирии и добившийся блестящих побед в войнах с Арменией и Парфией. Из других наместников зримые следы оставил Сульпиций Скрибоний Руф, известный тем, что велел построить в ССАА некое здание, а также Луций Мартин, распорядившийся в 211 г. восстановить в городе храм Юпитера Долихена⁸².

Примечательно второе пребывание на Рейне Марка Ульпия Траяна, именно в Кёльне ставшего императором. После убийства в 96 г. Домициана сенаторы избрали принцепсом своего старейшего и уважаемого коллегу, М. Кокцея Нерву. Для укрепления его положения и обеспечения поддержки армии наместником и командующим верхнегерманской армией был назначен Траян, уроженец испанской провинции Бетика, который в октябре 97 г. стал соправителем Нервы. Наделенный высшими военными полномочиями, он немедленно перебазировался из Майнца в Кёльн: в Нижней Германии находились четыре легиона. Дополнительным поводом могла стать и проявленная незадолго до этого, в 88 г., верность нижнегерманского войска по отношению к Домициану – эту особую связь с тронном Траян надеялся поддержать и использовать⁸³.

В осенне-зимние месяцы 97/98 гг. в Колонии царило особое оживление. Сенаторы и высшие армейские офицеры, посланники провинций и общин со всей Империи, спешившие продемонстрировать свою лояльность, работники канцелярии и императорские вольноотпущенники, вновь сформированная гвардия, курьеры, – все они не только толпились в претории, но и заполняли улицы обычно спокойного северного города. Конечно, присутствовали и лояльные представители германской знати. Граждане Колонии также как могли демонстрировали свою преданность новому цезарю, приветствуя его приезд и устраивая торжественные жертвоприношения в храмах, в частности, на местном Капитолии, где находился храм Юпитера, Юноны и Минервы, и на алтаре Убиев. Преторий ССАА стал в эти месяцы вторым Па-

⁸¹ Tac. Ann. XI.18–20. Тогда Клавдий, опасаясь слишком громких побед Корбулона и как следствия – популярности полководца, не позволил ему довести войну до конца.

⁸² AE. 1969/70. P. 443; CIL. XIII.8201; comp.: Dio Cass. LXIII.17 (о братьях Скрибонии Руфе и Скрибонии Прокуле, наместниках двух Германий, которые в 66 г. были вызваны Нероном в Ахайю и по его приказу покончили собой). См.: Bechert T. Op. cit. S. 34; Eck W. Köln in römischer Zeit... S. 700–701 (список нижнегерманских военачальников и наместников, которые жили в Кёльне). Исчерпывающая информация о наместниках, сенаторах, легионных легатах и легионных трибунах сенаторского звания, которые служили в обеих германских провинциях в I–III вв. содержится в монографии: Eck W. Die Statthalter der germanischen Provinzen...

⁸³ Не исключено, что в связи с событиями 88 г. Траян уже встречался в районе Майнца с нижнегерманскими легионами. Особое положение Траяна в Кёльне демонстрирует один военный диплом, датируемый 20 февраля 98 г., в котором говорится, что войско находится под (непосредственным) командованием Цезаря Траяна Августа (*que sunt sub imperatore Caesare Traiano Augusto*). См.: Eck W. Köln in römischer Zeit... S. 227–228.

латинском. Трудно вообразить, насколько была запружена людьми Колония Агриппины, чье население в обычное время составляло едва ли 20 тыс. человек⁸⁴. Любопытству и удивлению жителей Колонии Агриппины не было границ. В первый раз они увидели не только такое количество римлян в белоснежных тогах и германцев в кожаных штанах, но и людей всякого цвета кожи и в самых разнообразных одеждах с Востока, из Африки, Испании и Паннонии, со всех концов ойкумены.

В эти дни в Кёльнском претории обсуждались проблемы, значение которых выходило далеко за пределы недавно построенных городских стен, здесь решались и судьбы людей, занимавших ключевые посты в средиземноморской империи. Префекта претория Касперия Элиана, пытавшегося навязать свои решения Нерве, вместе с частью его преторианцев, Траян вызвал в Германию, якобы для собственной охраны. По прибытию префекта, как и других участников смуты, немедленно казнили. Эти и прочие энергичные меры оказались тем более своевременными, что престарелый Кокцей Нерва вскоре умер (28 января 98 г.). Спустя несколько дней весть достигла Траяна⁸⁵. Доставил сообщение не кто иной, как будущий император Адриан.

ССАА стала свидетельницей невиданных еще в этих краях пышных и громких торжеств. Старшее поколение агриппинцев сравнивало происходящее с тем, что они видели 30 лет тому назад, когда приветствовали и поздравляли Вителлия. Но то был самозванец, и все знали, что еще предстоит гражданская война. Теперь же люди радовались мирному переходу власти от отца к сыну. В храмах города принесли обильные жертвы, новый принцепс провел гладиаторские игры и раздачу. Агриппинцы почувствовали себя причастными к привилегированному Римскому Народу.

В Кёльне Траян принял многие решения, определившие политику Империи на годы вперед, провел важные назначения. Одним из префектов претория стал вызванный из Трира Секст Аттий Субуран Эмилиан, в критический момент оправдавший надежды в качестве прокуратора трех провинций. Во время церемонии введения в должность Траян сказал: «Я вручаю тебе этот меч, который должен служить моей защите до тех пор, пока я действую справедливо. Если я буду поступать несправедливо, используй его против меня» (*Aur. Vict. Caes. XIII.9*).

Ряд распоряжений Траяна касался непосредственно региона. Ремонтировались и, где необходимо, прокладывались новые участки стратегической дороги вдоль левого берега Рейна: от Кобленца через Бонн, Кёльн, Нойсс, Ксантен к Наймегену и далее, к побережью Северного моря. Укреплялись военные лагеря в низовьях Рейна. В целом

⁸⁴ Ср. аналогичные ситуации – наплыв людей в Александрии в 69 г., после провозглашения Веспасиана императором (*Ios. VJ. IV.656*) и в Трире, когда там в 311 г. родился Константин (*Paneg. Lat. 5(8).2.1*).

⁸⁵ О том, что весть о смерти приемного отца достигла Траяна в Кёльне (или недалеко от него) упоминают некоторые поздние авторы: *Eutrop. VIII.2.1–2*; [*Ps.-Aur. Vict.*]. *Epit. de Caes. XIII.3*; *Oros. VII.12.2* etc.

Траян взял курс на поддержание мира с правобережными племенами, поскольку на горизонте маячила большая война в Дакии на Дунае. Следовало стабилизировать ситуацию на Рейне и высвободить отсюда часть легионов. В русле этой политики проводилась также широкая раздача гражданских прав солдатам вспомогательных войск и учреждение второй римской колонии в Нижней Германии, носящей имя императора – *Colonia Ulpia Traiana* недалеко от постоянного лагеря *Vetera II*, в районе современного Ксантена⁸⁶. Агриппинцев появление конкурентов вряд ли обрадовало, как и передислокация из региона, в частности из Нойсса, ряда воинских соединений.

Летом 98 г. Траян покинул берега Рейна: его ждали завоевание Дакии, Аравии, Месопотамии. За императором тронулись в южном направлении многочисленный штаб и двор, преторианцы, семья, прислуга и множество других сопровождающих. Вначале казалось, что город опустел. Но провинциальный центр уже давно приобрел свой, и довольно интенсивный, жизненный ритм. Наместник провинции и его штаб⁸⁷, представители общин и обычные посетители, решавшие текущие вопросы с администрацией или вынужденные вести судебные разбирательства, а больше всего – народ, регулярно приходивший и приезжавший на крупнейший рынок региона, все они наполняли улицы античного Кёльна. Многие оставались, и не на один день. Раз в год прибывали участники провинциального собрания. Агриппинцы радовались всем – приезжие приносили немалый доход. Гости города пили, ели, что-то покупали у местных ремесленников, торговцев, многие ночевали, кому-то хотелось развлечься. Несмотря на отдельные не слишком радостные для агриппинцев нововведения в провинции, обстановка складывалась благоприятно. Не только на берегах Рейна, где установился мир и относительное спокойствие, но и в целом по Империи: начался «золотой век» Антонинов.

Около 151 г. хозяином претория стал один из выдающихся римских юристов Сальвий Юлиан, автор «Дигест» в 95 книгах. Он начал свою карьеру при Адриане (117–138) и продолжил при Антонине Пие (138–161) как претор, консул (148 г.) и префект Рима, входил в совет императора. Весьма характерно, что в качестве одного из сопровождающих (*comes*) Сальвий Юлиан взял с собой в ССАА некоего Кв. Элия Эргилия Оиарета. О нем мы знаем по надгробию, найденному недалеко от Кёльна. Установившие погребальную стелу жена и дети назвали Оиарета философом и другом Сальвия Юлиана⁸⁸. Таких образованных

⁸⁶ Недалеко от этого места ранее находился лагерь двух легионов – *Vetera casta*. Он был разрушен во время восстания батавов в 70 г. Спустя некоторое время рядом был устроен новый легионный лагерь – *Vetera II*, который держал под контролем устье реки Липпе, впадавшей здесь с восточной стороны в Рейн, затем служил также охране новой колонии.

⁸⁷ О специальном здании для размещения лейбгвардии наместника в ССАА свидетельствует надпись: AE. 1990. 1251. См.: *Eck W. Ein Armamentarium für die equites et pedites singulares in Köln // KJb. 1990. Bd. 23. S. 127–130.*

⁸⁸ CIL. XIII.8159 = Dess. 7776. Сальвий Юлиан приходился прадедом императору Дидию Юлиану.

спутников брали себе наместники с культурными и научными интересами, чтобы в далекой стране не только не растерять, но и пополнить свое образование. Эти люди приносили в далекий провинциальный город атмосферу интеллигентности, скрашивавшую образованным жителям Колонии как будни, так и праздники, когда люди могли провести время в амфитеатре, в цирке (на ипподроме) или в театре. Это соответствовало духу времени: неслучайно у кормила Римской империи периода ее расцвета стояли выдающиеся принцепсы. Все же в далеком от ведущих культурных центров городе Сальвий Юлиан не надеялся найти достойного собеседника. Надо думать, получить хорошее образование в ССАА было непросто. Скорее всего, именно в этом кроется ответ на часто задаваемый вопрос, почему неизвестны уроженцы Колонии, которые бы сделали большую карьеру и вошли в высшее сословие Империи. Наперечет известны агриппинцы, достигшие всаднического ранга, среди них префект претория Тит Флавий Констанс (2-я пол. II в.?), прокуратор Г. Тит Симилис (III в.), еще два офицера всаднического ранга, но ни одного сенатора⁸⁹.

Традиция очень скупо повествует о самом благополучном периоде истории ССАА. Античную историографию, почти как современную журналистику, больше интересовала «большая политика», в т.ч. дворцовые интриги и интрижки, войны и конфликты, в провинциях внимание могли привлечь только экстраординарные события с пролитием крови. Поэтому хорошие времена вдали от столицы Империи могут изучаться в основном по данным археологии и надписям.

Общее представление о размерах ССАА и ее благосостоянии дают городские стены, построенные во второй половине I в. н.э.⁹⁰ Длиной ок. 3912 м⁹¹, они повторили контур первоначального земляного вала с частоколом, окружавшего город Убиев. До сих пор сохранились отдельные фундаменты и основания, фрагменты самих стен и даже одна башня⁹². Мощные стены из римского бетона (*opus caementicium*) возводились на фундаменте шириной и высотой до 3 м. Толщина стен составляла 2,4 м, а общая высота вместе с зубцами достигала 7,8–

⁸⁹ C. *Titius Similis* (CIL. II.484); T. *Flavius Constans* (CIL. XIII.12057). См.: *Hesberg H., von. Philosophen im römischen Rheinland – Bildung, otium und soziale Distinktion in der Provinz // KJb. 2004. Bd. 37. S. 23–38.*

⁹⁰ Эти стены в 70 г. требовали снести послы тенктеров, из чего некоторые исследователи приходят к заключению, что к этому времени строительство завершилось. Но в ответе убиев содержалось упоминание о необходимости их укрепления (*Tac. Hist. IV.63–64; 65; comp.: Ann. XIII.57*).

⁹¹ Подсчеты показали, что длина стен колонии Агриппины (3911,8 м) составляет 1/5 длины стен Рима времени Веспасиана. Некоторые исследователи видят в этом результат расчета, а не просто совпадение.

⁹² О стенах античного Кёльна написаны книги и множество статей. См., напр.: *Doppelfeld O. Die römische Stadtmauer in Köln // Kölner Untersuchungen. Kunstdenkmäler des Rheinlandes. Essen, 1950. Beiheft 2. S. 3–40.* Эта работа до сих пор остается нормативной, заложенная в ней нумерация башен, ворот и отрезков стены применяется в большинстве публикаций по теме. Ср.: *idem. Das Denkmal Nr. 1 – die römische Stadtmauer. Köln, 1979. S. 25–43; Süßenbach U. Die Stadtmauer... etc.*

8 м⁹³. Перед стенами пролегал ров. С трех сторон (кроме восточной) стены усиливались 19 башнями, 6 ворот выходили на важнейшие дороги. Некоторые ворота, в т.ч. наиболее известные северные, а также лежавшие напротив по *cardo maximus* южные и центральные западные, имели по три входа, в центре для повозок и по сторонам – для пешеходов⁹⁴. С восточной стороны выявлено две параллельные стены. Одна, проходившая вблизи берега реки, имела три башни с воротами, обращенными к гавани. На расстоянии 8 м от нее располагалась причальная стенка. Еще одна стена, выполнявшая также функцию подпорной, проходила по контуру основания платформы, на которой располагался собственно город.

Поскольку Кёльн уже при основании получил правильную планировку, в античный период она существенно не менялась. Но вплоть до конца II в. продолжались работы по благоустройству, велось общественное и частное строительство⁹⁵. Как уже говорилось, важнейшие сооружения располагались в восточной части города и были обращены к Рейну: храм Капитолийской триады, преторий, постройки Форума и Священный участок. Их богато украшали мраморная облицовка и статуи. На западе Форум, располагавшийся на пересечении *cardo* и *decumanus maximus* и занимавший площадь шести инсул, завершался апсидообразной экседрой шириной 141 м. С восточной стороны к нему примыкали базилика, далее священный участок и храмы. Локализованы и некоторые другие здания, в т.ч. двойной храм, подобный известному в Наймегене храму Фортуны и Меркурия, а также многочисленные святилища Митры – митреумы. К западу от Форума археологи обнаружили остатки больших терм, занимавших две инсулы. Раскопки 2007 г. показали, что по планировке они напоминали Императорские бани в Байях⁹⁶.

⁹³ Это сооружение было настолько прочным, что люди были не в состоянии его разобрать на протяжении сотен лет. Современная техника с трудом справляется с подобной задачей – как правило, с помощью небольших взрывов. Средневековую стену Кёльна, в которую частично была интегрирована римская, разрушили в конце XIX в. в ходе расширения города. Сохранившиеся фрагменты, за небольшим исключением, находятся ниже современного уровня поверхности земли.

⁹⁴ В частности, единственные северные ворота имели три арки, одну большую и две маленькие. Маленький, боковой вход с аркой можно увидеть и сегодня почти на прежнем месте, на площади перед Кёльнским собором, а большая арка с надписью *ССАА* встречает посетителей на втором этаже Римско-германского музея. Наиболее убедительная реконструкция северных ворот, ориентированная на известную Порту Нигра в Трире, предложена Штефаном Ноем (*Neu S. Zur Rekonstruktion von Kölns römischem Nordtor // Roman Frontier Studies. Zaia, 1999*).

⁹⁵ *Hellenkemper H. Architektur als Beitrag...; Die Römer in Nordrhein... S. 469–478; Neu S. Schildergasse/Ecke Herzogstraße. Fundamente des römischen Forums // Archäologie in Köln. 1992. Bd. 1. S. 31–34; Irmeler B. Colonia Claudia... S. 324–327; idem. Die Criptoporticus am Forum der Colonia Claudia Ara Agripinensium // Fundort Nordrhein-Westfalen. Köln, 2000. S. 324–327.*

⁹⁶ Галло-римский храм в *Ulpia Noviomagus (Nijmegen, Нидерланды, провинция Гелдерланд)* был открыт в 1921–22 гг., затем еще раз исследован в 1990–

Жилые кварталы тянулись от *cardo maximus* на восток. Эта главная улица, как и *decumanus maximus*, производила на жителей провинции, прибывавших в главный город, не меньшее впечатление, чем преторий и храмы. Трудно представить себе удивление германца, выросшего среди лесов и болот, на берегах Везера или Эльбы, при виде этого великолепия. Центральные улицы по обеим сторонам имели портики шириной 5 м. Расстояние между ними было ок. 22 м. Соответственно, расстояние между строго выровненными фасадами домов составляло порядка 32 м⁹⁷. На улицу выходили многочисленные лавки, мастерские, закусовые.

Фасады богатых особняков украшались пилястрами, фронтонами с барельефами, резными дверями с фигурными бронзовыми ручками. У входов стояли рабы-привратники, в вестибюлях посетителей встречали статуи или бюсты на постаментах. Эти добротные построенные одно- или двухэтажные особняки отличались большими размерами, в среднем ок. 220 м², а также прочными конструкциями. Фундаменты и цоколи делались из камня, а остальная часть зданий – из обожженного кирпича, связанного глиной. Это относится и к роскошным комфортабельным особнякам, остатки которых раскопали к югу и западу от современного собора. Там известны дома размером в 1400 и даже 3400 м², что сопоставимо с римскими. Примером может служить известная вилла, или дворец, с мозаикой Диониса, интегрированная в Римско-германский музей⁹⁸. Как правило, дома состоятельных людей имели внутреннюю стену, делившую дом на две половины, а также дополнительные перегородки. Эти особняки строились по типу италийских домов с римским по происхождению атриумом, а также перистилем, заимствованным у греков, с небольшим садиком. Во II в., в ходе перестройки, под полами сооружались подвалы и отопительные системы. Большие дома и городские виллы обильно украшались фресками и мозаиками, некоторые из них были довольно высокого каче-

е гг. Он идентифицирован благодаря некоторым случайным находкам. См.: *Bechert T.* Op. cit. S. 46, 49. О митреумах см.: *Ristow G.* Mithras im römischen Köln. Leiden, 1974. О наличии амфитеатра, популярности гладиаторских боев и травли зверей говорят, в частности, некоторые надписи: CIL. XIII.8174 (*vivarium*); *ibid.* 1248 (медведи, по-видимому, для травли); AE. 1962.108 (доктор гладиаторов). Один из исследователей насчитывает в ССАА и ближайшей округе остатки 12 общественных, армейских и частных бань (*Dotz M.* Römische Badeanlagen in Köln // *KJb.* 2001. Bd. 34. S. 267–331, с табл. на S. 274). См. также: *Badeluxus im Zentrum des römischen Köln. Dokumentation historischer Bodefunde.* Köln, 2009.

⁹⁷ Современная пешеходная *Hohe Straße*, проходящая по оси римской *cardo maximus*, примерно в 3–4 раза уже. Это – наследие тесной средневековой застройки. Следует заметить, что все улицы городов Римской империи были пешеходными. Проезд грузового транспорта разрешался только с вечера до раннего утра (примерно с 16 до 6 часов). Пассажирским повозкам ездить по городским улицам вообще не разрешалось.

⁹⁸ Некоторые из римских городских villas, с садами и прудами, имели площадь до нескольких тысяч м². См.: *Сергеевко М.Е.* Жизнь древнего Рима. СПб., 2000. С. 38–39. О мозаике Диониса см. монографию Г. Горна: *Horn H.G.* Mysteriensymbolik auf dem Kölner Dionysosmosaik. Bonn, 1972.

ства. В большинстве своем виллы выглядели скромнее италийских, известных по Помпеям, Геркулануму или Остии. Фигурная живопись появлялась только в самых значительных помещениях, другие стены могли окрашиваться сплошными или отличающимися цветом полями, полосами и т.п.⁹⁹

Обычные улицы, шириной 20–23 м, выглядели проще двух главных. Инсулы разбивались на четко выраженные участки, застраивавшиеся в различной технике. Преобладали постройки с несущими деревянными конструкциями в виде столбов, балок и брусьев, пустоты между ними заполнялись утрамбованной глиной. Подобные строения могли покоиться на каменных фундаментах из трахита или серой вакки. Они напоминают фахверковые дома, до сих пор распространенные в европейских странах с умеренным климатом.

Уровень благоустройства города на далекой северо-восточной границе Империи был достаточно высок. Мостовые и тротуары первоначально засыпались галькой, во II в. многие улицы вымостили каменными блоками. Во второй половине II в., возможно, при поддержке Антонина Пия, построили, водопровод, снабжавший Кёльн чистой водой с гор Айфеля¹⁰⁰. Его протяженность составляла порядка 100 км. Под улицами, на глубине до 6 м, пролегли канализационные каналы, иногда превосходившие высоту человеческого роста. Некоторые из них встроены в современную систему отвода дождевой воды. За стенами города, вдоль дорог, хоронили умерших. Известны также места захоронений, примыкающие к загородным виллам. Надгробия с надписями, иногда и с рельефами, являются важными свидетельствами, рассказывающими о ССАА и ее истории.

В период своего расцвета (II – перв. пол. III в.) античный Кёльн насчитывал от 20 до 40 тыс. жителей¹⁰¹. К концу II в. завершили строительство самых важных городских сооружений. В это же время в очередной раз полностью перепланировали преторий, превратившийся в настоящий дворец – символ римского владычества на Рейне (период III.1). Большую часть прежнего здания снесли, подвалы заполнили образовавшимся мусором, остальное разровняли. Среди немногих старых построек сохранили дом у городской стены и зал с колоннами. Новая галерея построена с таким расчетом, чтобы первый этаж на

⁹⁹ См.: *Thomas R. Römische Wandmalerei in Köln*. Mainz, 1993.

¹⁰⁰ *Haberey W. Die römischen Wasserleitungen nach Köln*. Bonn, 1972; *Grewe K. Atlas der römischen Wasserleitungen nach Köln // Rheinische Ausgrabungen*. Köln, 1986. Bd. 26; *Eck W. Antoninus Pius als Stifter eines Aquädukts für die Colonia Claudia Ara Agrippinensium? // KJb*. 1995. Bd. 28. S. 631–634.

¹⁰¹ В последнее время исследователи, к примеру, Т. Бехерт, присоединяющийся к Хелленкемперу, предпочитает осторожную цифру в 20 тыс. человек, из которых 5 тыс. размещались вне городских стен. См.: *Bechert T. Op. cit.* S. 48; *Hellenkemper H. Köln // Die Römer in Nordrhein-Westfalen*. Stuttgart, 1987. Соответственно, вся *civitas*, включая сельское население, могла насчитывать несколько более 35 тыс. чел. См.: *Bender H. Agrargeschichte Deutschlands in der römischen Kaiserzeit innerhalb der Grenzen des Imperiums // Deutsche Agrargeschichte. Vor- und Frühgeschichte*. Stuttgart, 1997. S. 263–374.

всем протяжении имел выход во двор, ограниченный с востока городской стеной. Поверх нее, со второго этажа, наместник мог наблюдать могучее течение Рейна с проходящими торговыми и военными судами. Утром над безграничными просторами *Germaniae magnaе* восходило солнце. В южной части комплекса, на месте небольшого апсидного зала первого периода, вырос огромный зал, *Aula Regia*, завершавшийся с восточной стороны апсидой с внутренним диаметром 14,85 м². Преторий III.1 позднее сгорел, в оставшемся мусоре археологи нашли обломки черепицы с именем Дидия Юлиана. Он известен как консул 175 г., с 180 г. находившийся в Кёльне в качестве наместника, позднее император. Сравнительно недавно, в 1984 г., удалось интерпретировать надпись, обломки которой нашли в районе претория еще в XIX в. Из прочтения следует, что постройку III.1 завершил Дидий Юлиан в правление Коммода (180–192) после его похода в Британию, т.е. в 184/185 гг.¹⁰²

Уже с конца II в. в Нижней Германии, как и во всей Империи, все явственнее проявляются признаки стагнации, а вскоре – упадка и кризиса. На Рейне это влекло за собой ослабление границы и сказывалось особенно болезненно. В III в. германская угроза нарастает. Провинция подвергается германским набегам, жители города часто живут в страхе не только за свое имущество, но и за жизнь. К этому времени относится большой клад римских золотых и серебряных монет, найденный на Гертруденштрассе. Его хозяину не повезло: спрятавшие на черный день деньги так ему больше и не понадобились¹⁰³. С другой стороны, некоторые богачи не испытывали недостатка ни в чем. Упомянутая мозаика Диониса в огромной вилле с перистилем относится к первой трети III в.

Из хозяев Кёльнского претория периода III.1 следует также упомянуть Галлиена, защищавшего рейнско-дунайскую границу с 254 по 259 гг., в качестве сына и соправителя императора Валериана. Осенью 259 г. Валериан, после очередного поражения, попал в плен к персам. Галлиену, теперь единоличному правителю (до 268 г.), пришлось вести упорную борьбу не только с варварами, но и с многочисленными узурпаторами. Наступил апогей кризиса III в. Империя разваливалась.

Не получая достаточной поддержки из Рима, жители Кёльна опасались нашествия германских орд. Аристократия Западных провинций, убедившись в неспособности центральной власти защитить их от германцев, поддержала узурпатора – Постума, военачальника Галлиена. Осенью 260 г. он взял штурмом Кёльн и умертвил находившихся там сына Галлиена, Салонина, и префекта Сильвана, а затем провоз-

¹⁰² О самом Дидии Юлиане еще известно, что в 189 г. он был проконсулом Африки, а в 193 г. правил в Риме 2 месяца в качестве императора. См.: *Eck W. Die Statthalter...* S. 184 ff.; *Wolff G. Op. cit.* S. 181.

¹⁰³ В Доме с перистилем на *Gertrudenstraße*, с ценными стенными росписями, построенном и перестраивавшемся на протяжении I в. н.э., было найдено четыре глиняных горшка с более, чем 30000 монет, датированных временем между сер. I в. н.э. и 236 г. н.э. См.: *Wolff G. Op. cit.* S. 159.

гласил себя императором т.н. «Галльской империи» (Amm. XV.5–6; Zonar. XII.24). Его признали все Западные провинции, столицей стала Колония Агриппина. Из Кёльнского претория Постум довольно успешно руководил обороной рейнской границы. В период кратковременного мира по реке вновь пошли торговые корабли, оживилась экономика региона. В Кёльне чеканились монеты нового государства, отличавшиеся очень высоким качеством. Впрочем, стабилизация оказалась краткосрочной. В 268 г. Постума убили в Майнце собственные солдаты за то, что он не разрешил им грабить город. Наследовавший ему Викторин, вместе со своим сыном, также погиб в Кёльне в 271 г. Их преемники правили слабеющей «империей» из Кёльна и Трира до 273/4 гг.¹⁰⁴

При всем политическом хаосе, царившем в «Галльской империи», эти годы стали примечательным отрезком Кёльнской истории. Пребывание города в статусе столицы государственного образования, простиравшегося от Британии и Испании до Рейна и Альп, отразило его особое положение на западе Римской империи. Ключевое место Кёльна в германской политике пытался использовать Галлиен. Организовывая отсюда оборону Западных провинций, и, в частности, столкнувшись с необходимостью регулярных выплат воинам, он учредил в ССАА монетный двор, направив сюда лучших мастеров. Но глубокий кризис Империи не позволил Галлиену реализовать свои планы. Постум использовал факт особого положения Колонии как стратегического центра Запада, воспользовавшись возможностью чеканить собственную монету как экономическим рычагом и идеологическим средством. На монетах Галльской империи, в частности, изображался покровитель узурпатора, галльский Геркулес – *Hercules Deusoniensis*. Постум, не преследуя цели возглавить всю державу и сосредоточив внимание на Западных провинциях, в сущности, первым попытался осуществить иерархическое разделение власти между собой и главным императором, каким он поначалу признавал Галлиена¹⁰⁵.

С огромным трудом восстановить единство Империи удалось Диоклетиану. В связи с общей реформой управления Нижнюю Германию преобразовали в провинцию Германия Секунда (*Germania II*). Главным городом, конечно, осталась Колония Агриппина (300 г.). Император Константин, который много времени провел в западной столице Империи – Трире, принял особые меры по укреплению рейнской границы. Нам известно о его многократном посещении ССАА, в частности, в 310, 313 и 332 гг. Отсюда он совершил несколько походов против франков. По указанию императора в 310 г. на правом берегу Рейна возвели крепость Дивициа (*Divitia*), где разместился XXII легион. Связавший крепость с Колонией Агриппины постоянный мост на сложен-

¹⁰⁴ Drinkwater J.F. The Gallic empire. Separatism and continuity in the North-Western provinces of the Roman empire A.D. 260–274. Stuttgart, 1987.

¹⁰⁵ См.: Riedel M. Op. cit. S. 116–121; Biegel G. Die Münzstätte Köln in der Zeit des gallischen Sonderreiches // ANRW. 1975. Bd. 4. Tl. II. S. 751 ff.; Zschucke C.F. Die römische Münzstätte Köln. Köln, 1993.

ных из камня быках (деревянный, легко разбиравшийся, наводился время от времени и раньше) не имел здесь аналогий ни ранее, ни позднее, вплоть до XIX в. У Кёльнского берега размещался один из отрядов рейнской флотилии¹⁰⁶.

В 313 г. Константин впервые легализовал, наряду с другими культурами, христианство, подмявшее вскоре под себя другие религии¹⁰⁷. Под тем же годом в качестве участника синода в Риме впервые упоминается Кёльнский епископ Матерн. Константин пригласил в Рим его, в числе трех ортодоксальных священников для дискуссии с донатистами. Император же включил Матерна в число епископов – участников синода в Арле (314 г.), осудившего донатистов как врагов церкви¹⁰⁸. Примерно в это время в районе ныне известного Кёльнского собора, на месте старой молельни, появилась первая епископская церковь и баптистерий¹⁰⁹. К IV в. относятся и другие постройки, позднее также превратившиеся в известные христианские храмы. Это, к примеру, первоначальный декагон церкви Св. Гереона, построенный, возможно, как мавзолей матери Константина I, Елены. Она почитается как одна из святых равно католиками и православными (Елена Равноапостольная). При раскопках этого романского храма обнаружены следы предшествовавшего ему алтаря Исиды. Небольшие молельные дома на христианских кладбищах выросли позднее в известные церкви Св. Урсулы и Св. Северина¹¹⁰.

¹⁰⁶ См.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit... S. 605 ff. (о мероприятиях Константина на Западе, и в частности, в Кёльне). О крепости *Divitia* и мосте через Рейн: *Caroll-Spillecke M.* Das römische Militärlager Divitia in Köln Deutz // *KJb.* 1993. Bd. 26. S. 321–444; *Alföldi M.-R.* Das Trierer Stadtbild auf Constantins Goldmultiplum: ein Jahrhundertirrtum // *Trierer Zeitschrift.* 1991. Bd. 54. S. 239–248; *Wolff G.* Op. cit. S. 260 ff. Мост Константина, согласно преданиям, простоял до X в. и был разобран из-за опасности ночных разбойных нападений на город.

¹⁰⁷ Этому он просто не мог, а потому и не хотел, препятствовать. С другой стороны, известно, что 11 декабря 321 г. Константин издал декрет, в котором уравнивал евреев Кёльна в их обязанностях с остальными гражданами. В частности, они должны были войти в городскую курию (*Cod. Theod.* XVI.8.3). Трудно сказать, означало это повышение статуса религиозной общины или напротив, лишало прежних привилегий. Через 10 лет, 1 декабря 331 г. еще один декрет освободил должностных лиц Кёльнской синагоги от общественных обязанностей (*ibid.* XVI.8.4). Подробнее см.: *Pracht E.* Jüdisches Kulturerbe in Nordrhein-Westfalen. Regierungsbezirk Köln. Köln, 1997. Tl. 1. S. 242.

¹⁰⁸ Участие Матерна в римском синоде: *Eus.* X.5,18 sqq.; *Optat.* I.23 sq. (упоминается как “*Maternus de Agrippa civitate*”). Участие в арльском синоде: *Optat.* *ibid.* (“*Maternus ex civitate Agrippinensium*”). Конечно, христианская община появилась в Кёльне раньше времени Константина. Косвенное указание на существование епископских общин в обеих Германиях мы находим под 180 г. у Иринея: *Iraen.* I.10.2.

¹⁰⁹ *Ristow S.* Die frühen Kirchen unter dem Kölner Dom. Befunde und Funde vom 4. Jahrhundert bis zur Bauzeit des Alten Domes. Köln, 2002; *Das Baptisterium am Dom – Kölns erster Taufort.* Köln, 2009.

¹¹⁰ *Stadtspuren – Denkmäler in Köln.* Köln, 1984. Bd. 1: Die Romanischen Kirchen von den Anfängen bis zum 2. Weltkrieg.

Константин Великий не мог оставить в руинах пожарища преторий – представительство центральной власти в провинции. При раскопках Кёльнского претория в строительном мусоре в замурованном первом этаже галереи нашли монету Константина I чеканки 309–313 гг. В совокупности с уже перечисленными ранее фактами находка интерпретируется таким образом, что постройка III.1 простояла примерно 125 лет (от 184/185), а ее восстановление после большого пожара относится ко второму десятилетию IV в., т.е. ко времени Константина I. Этот новый преторий (III.2) был настоящим дворцом-*regia*¹¹¹. Он стал кулисой событий, относящихся к 355 г., то есть уже времени правления Константина II (337–361). О них повествует Аммиан Марцелин, оказавшийся их участником. Полководец Сильван провозгласил себя императором, и Константин II приказал расправиться с ним. Когда убийцы ворвались во дворец, самозванец безуспешно пытался спастись в помещении для собраний христианской общины. Местонахождение этой первой упомянутой в Кёльне церкви не указано¹¹².

События, происходившие во дворце, стали грозным предвестником грядущей катастрофы. В декабре того же 355 г. город захватили, разграбили и разрушили франки, удерживавшие его 10 месяцев. Преторий, символ римского владычества в Германии, пострадал в первую очередь. Оставалась только южная часть галереи и *Aula Regia*. Прибывший сюда позднее родственник Константина II, будущий император Юлиан, сумел оттеснить франков за Рейн и в 356 г. освободить Кёльн. Согласно описанию Аммиана, город сильно пострадал. Константину II, чтобы на какое-то время обеспечить безопасность на рейнской границе, пришлось заключить мир с одним из франкских королей (*Amm.* XV.8.19; XVI.3.1–2; *comp.: Jul. Ep. ad Athen.* 279 C).

Археологические данные подтверждают сообщение Аммиана о разрушениях в Кёльне. Многие постройки, в особенности выделявшиеся некогда своими размерами, архитектурными достоинствами и убранством, так больше и не восстановили, во всяком случае, от их прежнего великолепия ничего не осталось. Дворец с «дионисовой мозаикой» не отстроили. То же относится и к дому с не менее известной «мозаикой философов». Отдельные дома привели в жилое состояние,

¹¹¹ CIL. XIII.8502 = Dess. 8937; cf.: *Gechter M.* Zur Überlieferung der Bauinschrift des Kastells Divitia (Deutz) // *KJb.* 1991. Bd. 24. S. 377–380.

¹¹² *Amm.* XV.5.31: *Conventiculum ritus christiani*. Описание события в целом: *Amm.* XV.5.2–31, 35; cf.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit... S. 625–627, 815 ff. Предполагают, что речь идет о первом в Кёльне молитвенном помещении христиан. С другой стороны, его предполагают к востоку от Кёльнского собора, где найден баптистерий (см. примеч. 109). В средние века (до 1424 г.) рядом с *Aula Regia* находилась синагога. Хотя наличие значительной еврейской общины в Кёльне, о чем сказано ранее, засвидетельствовано уже в 321 г., античное происхождение этого здания пока не доказано. Бесспорные следы этой синагоги прослеживаются здесь только с X–XI вв. См.: *Gechter M., Schütte S.* Ursprung und Voraussetzungen... S. 107–114; cf.: *Wolff G.* Op. cit. S. 196.

но в гораздо менее привлекательном виде, многие внутренние дворик
ки остались засыпаны обломками руин.

Городские власти приложили усилия для восстановления города,
его инфраструктуры. Главные артерии очистили от мусора, мостовые,
в частности, на *cardo maximus*, восстановили. Правда, для заделыва-
ния брешей вместо прежнего трахита пришлось использовать камень
других пород, известняк или песчаник, да и плиты нашлись только
меньшего размера. В большие прогалы укладывались надгробные
плиты, взятые из прилегающих к городу кладбищ. Даже статуя Вене-
ры пошла в ход. Тем не менее, восстановили не только сплошное ка-
менное покрытие, но и дренажную систему, так что дождевая вода,
как и прежде, по специальным канавкам стекала в подземный кана-
лизационный канал.

Еще более масштабные мероприятия провели с целью укрепления
оборонительной системы. Сравнительно недавно обнаружены следы
двух дополнительных стен, датируемых второй половиной IV в. Они
соединили северо-восточную и юго-восточную башни прежней стены,
окружавшей город, с берегом основного русла Рейна. Таким образом,
под защитой укреплений оказался и прежний остров, первоначально
отделявшийся от основной территории рукавом Рейна. Он давно заи-
лился, постепенно заполнился мусором, так что уже во II в. практиче-
ски соединился с берегом (ранее это рассматривалось как результат
расширения Кёльна в X в.). На территории бывшего острова выросло
предместье с многочисленными мастерскими (в частности, кузнечны-
ми и стеклоплавильными), а также портовыми сооружениями и скла-
дами. Теперь, с появлением новых стен, предместье стало частью
городской территории. Так получилось, что в эти тяжелые времена
Колония Агриппина, в отличие от большинства других городов галло-
германских провинций, территориально не только не уменьшилась, но
существенно расширилась, с 96 до 120 га.

Расширение городской территории не вызывалось экономически-
ми потребностями – на первое место вышла военная необходимость.
Построенный ранее Константином I мост начинался на незащищен-
ной территории. Его уязвимость, надо думать, отрицательно сказалась
на эффективности обороны, как самого города, так и крепости *Divitia*,
что и пришлось принять во внимание. Кроме того, новые стены защи-
тили стоянку Рейнской флотилии. Экономические интересы играли
подчиненную роль, тем не менее, для стабильного функционирования
экономики было важно, что внутри городских стен оказались ремес-
ленная слобода и особенно – торговые причалы.

Обороноспособности Колонии Агриппины уделялось повышенное
внимание: ведь город являлся не только военным форпостом на се-
верных границах Империи и важнейшей экономической базой Рейн-
ской армии, но и центром провинции *Germania II*. По всей видимости,
сразу после победы над франками Юлиан распорядился восстановить
преторий. Дворец кёльнского наместника отстроили вновь и с еще
большой внешней роскошью (фаза IV.1). С восточной стороны, обра-
щенной к Рейну и прилегавшей к городской стене, ансамбль завер-

шался репрезентативным портиком длиной 91 м с галереей шириной 6 м. С севера и юга их ограничивали вестибюли, связанные с апсидными залами. Эти два больших зала (каждый 20 x 12,75 м²) примыкали к галерее с запада, между ними размещалось мощное 8-угольное строение – октогон, со стороной 6 м и внутренним диаметром 11,5 м. Через него, из внутреннего двора на западе, шел парадный вход во дворец. К югу находилась базилика, перекрытия которой, шириной более 33 м, опирались на колонны. Это была новая *Aula Regia* – зал правителя, с апсидой на восточной стороне, с внутренним диаметром 14,85 м. В этом репрезентативном помещении наместник, сидя на курульном кресле, вершил суд и объявлял официальные решения, в т.ч. зачитывал императорские декреты.

Фундаменты апсиды выходят сегодня на современную площадь перед Кёльнской ратушей. Видна сводчатая конструкция и еще одно отверстие поменьше, служившие для отопления аулы горячим воздухом. С востока на запад, параллельно дворам и коридорам, тянулись анфилады комнат. Отапливаемые полы покрыли мрамором или мозаиками. Аэрофотосъемка 50-х гг. показала, что весь комплекс, включая постройки официального и частного характера, занимал четыре стандартных городских квартала (*insulae*), доходя на западе до *cardo maximus*.

К сожалению, конкретные сообщения, относящиеся к событиям во дворце наместника IV периода, отсутствуют. Монета, найденная на уровне фундаментов восточной галереи с портиком, датируется 364–378 гг. Это говорит лишь о том, что строительная фаза IV.2 началась, или еще продолжалась, после 364 г. Возможно, строительство возобновилось некоторое время спустя после нового разграбления города франками в 388 г. Нельзя исключить и того, что сооружение роскошного, хоть и не совсем качественно сделанного последнего дворца кёльнского правителя, явилось делом военачальника Арбогаста, франка по происхождению, и провозглашенного им императором Евгения (392 г.)¹¹³.

Но дворцу оставалось недолго блистать в его новом величии. Империя больше не могла эффективно противостоять натиску германской стихии. В 402 г. верховный главнокомандующий Стилихон отозвал с Рейна войска, и стало ясно, что агриппинцам осталось уповать только на милость германских вождей. Большинство зажиточных семей начало покидать город, уходя в южные районы Галлии. В последующие десятилетия население сократилось примерно в 4 раза¹¹⁴. Аг-

¹¹³ CIL. XIII.8262 = Dess. 790 = *Galsterer B, Galsterer H. Die römischen Steininschriften...* S. 188; *Eck W. Köln in römischer Zeit...* Abb. 296. Надпись, сохранившаяся на 2/3, датируется 392–394 гг. То, что речь идет о претории, не бесспорно. См.: *Grünwald Th. Argobast und Eugenius in einer kölnischer Bauinschrift. Zu CIL XIII.8262 // KJb. 1991. Bd. 24. S. 377–380.*

¹¹⁴ *Salv. Gubern. Dei. VI.39; Epist. I.5 sq.; cf.: Brühl C.-R. Palatium und civitas. Studie zur Profantopographie spätantikes Civitates vom 3. bis zum 13 Jh. II. Belgica I, beide Germanien und Raetien II. Cologne, 1990. S. 1–40.* О времени ухода римской армии, т.е. и центральной власти, говорят монеты. Как известно, они чеканились для раздачи в армии. В Кёльне не найдено в сколько-

риппинцы еще пытались поддерживать свои дома и город в жилом состоянии. Но уже следы работ по ремонту мостовых в первой половине V в. свидетельствуют о неуклонном упадке. Раскопки в районе современного Хоймаркта показали, что каменное покрытие на этот раз уже не восстанавливалось, улицу просто засыпали 20-сантиметровым слоем галечника и битого кирпича. Город приходил в запустение, оставленные дома грабились и разрушались. Если что-то и строилось, камень добывался из прежних общественных и частных построек, брался с кладбищ. Карьеры выше по течению Рейна и на Мозеле закрылись еще в период кризиса III в., производство кирпича солдатами прекратилось. Этот процесс упадка при сохранении минимальной преемственности исследователи характеризуют как «экономику грабежа» и «континуитет руин». Нищала культура, портился язык, деградировала мораль. Колония на Рейне – отросток средиземноморской цивилизации в холодном и диком крае – впитала в себя толику ее культурного богатства, которая не могла сразу и бесследно исчезнуть. Но это лишь затягивало агонию.

В эти десятилетия анархии и беззакония единственным местом, где остатки романизованного населения могли найти хоть какое-то утешение, оставалась церковная община. Уже в силу значительности города и его административного положения Колония Агриппина стала центром епископства. Кроме упоминавшегося Матерна (ум. в 328 г.), среди первых Кёльнских епископов известны Ойфрат (ок. 345 г.) и Северин (ок. 400 г.). Церковь в определенной мере стала хранителем греко-римского наследия, обеспечивая, пусть и выборочно, преемственность традиций между античностью и средневековьем. Руководителям церкви приходилось выстраивать свою политику как в отношении к меняющемуся по составу населению, так и к новым правителям. Стремясь привлечь паству равным образом из среды римлян, галло-римлян и германцев, христианские общины способствовали их сближению, создавая одну из предпосылок последующего слияния этносов в новые народности. Но этому предшествовали реки крови, разрушения, насилия, грабежи, не говоря уже о потере прежними гражданами имущества и социального статуса. Характерен пример, содержащийся в одном из писем церковного писателя Сальвиана. Характеризуя город (*Agrippina*) между 425 и 440 гг. как наводненный врагами (*hostibus plena*), он упоминает свою дальнюю родственницу. Эта вдова, не имея средств, чтобы бежать, зарабатывала себе на пропитание как служанка у жен завоевателей-германцев (*Salv. Gubern. Dei. VI.39; Epist. I.5–6*).

Исследователи связывают переход Кёльна под власть франков с различными событиями, имевшими место между 420 и 470 гг. Согласно «Книге истории франков», Колонию захватили к концу 450-х

нибудь значительном количестве монет, выпущенных центральной властью, после серий Аркадия и Гонория. Аркадий умер в 408 г. Это согласуется с датой ухода Стилихона (401/402 г.). См.: *Päffgen B. Die Ausgrabungen in St. Severin zu Köln. Mainz, 1992. Bd. 1. S. 147 ff.*

гг.¹¹⁵ Известно, что Аэций, имперский главнокомандующий при Валентиниане III (425–454), еще рассматривал Левобережье как зону влияния Империи и отвоевывал у франков земли на Рейне. Гунны во главе с Атилой, перед тем, как получить отпор от Аэция на Каталаунских полях (451 г.), побывали под стенами Колонии. Кёльнская легенда о Св. Урсуле повествует о чудесном спасении города.

Можно считать установленным, что между 455 и 459 годами Колонией Агриппины овладели рипуарские (т.е. «прибрежные», известные также как рейнские или Кёльнские) франки. Возможно, это случилось в результате своего рода военного переворота, когда их вождь, он же военачальник на римской службе, узурпировал власть в обеих германских провинциях, его имя неизвестно¹¹⁶. Около 470 г. Колония стала центром королевства первого известного короля рипуарских франков – Зигиберта Кёльнского (ум. в 508 г.). В качестве его резиденции использовалась часть прежнего претория – *Aula Regia*.

В битве против алеманнов, происшедшей в 496 г. при Цюльпихе недалеко от Кёльна, Зигиберт поддержал короля салических франков Хлодвига (481/2–511), который в 486/87 гг. захватил власть в провинции Бельгика II. После этого Хлодвигу, опиравшемуся на союз с ортодоксальной церковью, удалось, не считаясь ни с чем, устранить соперников. Была уничтожена и рипуарская династия (*Greg. Tur.* II.40). В том же 508 г. Хлодвига провозгласили в Кёльне королем всех франков¹¹⁷.

После смерти Хлодвига (511 г.) и до времени Карла Великого (768–814) в Кёльне, наряду с Метцем (Франция) находилась одна из резиденций правителя восточнофранкского королевства, Австразии. В 520 г. сюда вместе с королем Теодорихом I приехал Св. Галл. Проповедник возмущался упрямством жителей Кёльна и окрестностей, продолжавших поклоняться языческим богам, и поджег их храм. От разгневанной толпы, которую с трудом успокоил король, святой укрылся в *Aula Regia* (*Greg. Tur.* VI.2). Начиная с VI в., на некоторых франкских монетах чеканилось название города *COLVNIA/COLONIA*¹¹⁸. В Кёльне находился центр епископства (с 795 г. – архиепископства). Во

¹¹⁵ *Liber historiae Francorum*; cf.: *Bechert T.* Op. cit. S. 133 f.

¹¹⁶ Это событие связывают с гибелью Аэция в 454 г. По мнению Г. Штойера (*Steuer H.* Die Franken in Köln. Köln, 1980), оно произошло в 455/456 гг., когда потерпел поражение от франков Эгидий (*Aegidius*), командующий римской армией в Галлии.

¹¹⁷ Ср.: *König D.* Bekehrungsmotive: Untersuchungen zum Christianisierungsprozess im römischen Westreich und seinen romanisch-germanischen Nachfolgern (4–8. Jahrhundert). Husum, 2008 (раздел 2.4.4 и в частности – S. 84, о принятии христианства Хлодвигом). О франках на Рейне в рассматриваемый период: *Pohl W.* Die Völkerwanderung: Eroberung und Integration. Stuttgart, 2005. S. 165–185. В этих работах содержатся дальнейшие библиографические указания. Количество литературы по данной тематике («великое переселение народов», падение Западной Римской империи и переход от античности к средневековью в Западной Европе) безгранично.

¹¹⁸ *Fischer J.F.* Geld und Geldwirtschaft in Merowinger Zeit in Köln // *KJb.* 2002. Bd. 35. S. 281 f.

второй половине VI в. в городе появился первый епископ с франкским именем – Эверигизил/*Everigisil(us)*.

Хотя Колония Агриппины наследовала от столицы римской провинции особый флер и притягательную силу, город, наполненный руинами, представлял собой печальное зрелище остатков прежнего величия. Общественные постройки, в т.ч. преторий, оказались франкам «не по росту», они использовали лишь отдельные помещения¹¹⁹. Последнее слово сказала природа: происшедшее в период с 780 по 790 гг. сильное землетрясение привело остатки римских зданий в полную негодность. После этого оставалось разровнять мусор, а затем строить хижины и копать землянки. Руины претория спланировали, на образовавшейся площади разместился рынок, окружающее пространство было разбито на равные участки. Осуществилась ли таким образом мечта «свободных» германцев? Некогда они призывали жителей города отказаться от благ римской цивилизации, всё распахать и всё разделить. Эта цель, включая всё разрушить, была, казалось, достигнута. Но на развалинах и мусоре Колонии Агриппины начали строиться хижины Кёльна, который стал одним из крупнейших городов средневековой Европы к северу от Альп.

Ja. Ju. Mezheritsky

**COLONIA CLAUDIA ARA AGRIPPINENSIS /
KÖLN – DIE HAUPTSTADT DER RÖMISCHEN PROVINZ
NIEDERGERMANIEN**

Im Artikel wurden wichtige Momente der Geschichte der rheinischen Metropolen in römischer Zeit beleuchtet. Die ursprüngliche Siedlung, *oppidum Ubiorum*, wurde in den ersten Jahren unserer Zeitrechnung gegründet. Die führende Rolle bei den Bauarbeiten übernahmen die römischen Legionäre. Der Autor befürwortet in seiner Argumentation, dass sich das Militärlager erst innerhalb der städtischen Festigungen befand. Dort befand sich auch *ara Ubiorum* (dann *ara Germaniae?*) - Zentrum des kaiserlichen

¹¹⁹ В своей статье о переходе Кёльна от античности к средневековью Вернер Эк, полемизируя с предшественниками, в частности с Г. Штойером (*Steuer H. Die Franken in Köln...*) доказывает, что Колония Агриппина не пережила цивилизационного коллапса и глубокого упадка (*Eck W. Köln im Übergang von der Antike zum Mittelalter // GiK. 2007. Bd. 54. S. 8 et sqq.*). Даже после ухода римской центральной власти, франкских штурмов и грабежей, продолжало функционировать городское самоуправление, не было «обвала», «хаоса» и т.п. Стремление кёльнского ученого указать на внутренние резервы сохранения жизнеспособности римской *civitas* и на возможные линии преемственности античного и средневекового города заслуживают самого серьезного внимания. В то же время по некоторым пунктам аргументация недостаточно убедительна. Например, автор указывает на находки отдельных импортных вещей, относящихся к концу V и VI вв. как на показатель того, что международная торговля полностью не прервалась. Признавая, что она не играла сколько-нибудь значительной роли, В. Эк, тем не менее, подчеркивает: «важнее, что такая торговля вообще имела место» (*Eck W. Köln im Übergang... S. 24; cf.: S. 8*). Но «такая торговля» имела здесь место задолго до прихода римлян.

Kultes. Die Siedlung sollte die Hauptstadt der Großgermanischen Provinz - *Germania magna* werden. Der Niedergang der Legionen des Varus im Jahre 9 u. Z. hat diese Pläne zunichte gemacht. Doch dank der vorteilhaften geographischen Lage setzte die Siedlung ihr Wachstum fort. Im Jahre 50 durch die Protektion der dort geborenen Agrippina der Jüngeren bekam die Siedlung den Status einer Kolonie und dem Namen *Colonia Claudia Ara Agrippinensis / Agrippinensium* verliehen. Die Erzählung Tacitus über die Ereignisse des Jahres 69 (Tac. *hist.* IV.69) weisen darauf hin, dass die Fiktion der Erhaltung der Rolle des gesamtgermanischen Zentrums für *Colonia* in dieser Zeit noch unterstützt wurde.

Die Bedeutung CCAA als des Zentrums der germanischen Politik des Imperiums war von der Verleihung des Status der Hauptstadt der Provinz *Germania inferior* (ungefähr Jahr 85) gefestigt. Im Folgenden spielte die Stadt weiter eine bemerkenswerte Rolle. Hier kamen die ersten Personen des Staates mehrmals an, einige von ihnen wurden da als Kaiser ernannt (Vitelius, Trajan). Köln mit seiner gemischten keltisch-germanisch-italisch-mediterranen Bevölkerung war ein Schmelztiegel der Kulturen und der Völker. Man kann sogar vermuten, dass sich in der Region die eigentümliche Subethnie gebildet hat. Selbstbenennung war *agrippinenses*. Die Krise des III. Jahrhunderts und der steigende Druck der Germanen haben das Schicksal der Stadt vorentschieden. Die einzelnen Maßnahmen, wie die Verstärkung des Verteidigungssystems vom Domitian, konnten die Tragödie der Stadt und seiner Bewohner nicht verhindern. Dasselbe betrifft einige erfolgreiche Kriegsoperationen. Erst eroberte die Franken *Colonia* im Jahre 355. Zwischen 455 und 459 wurde die Stadt von ripuarischen Franken endgültig besetzt. *Colonia* war das Zentrum ihres Königreiches, aber es blieben nur die beklagenswerten Reste der vorherigen Größe erhalten. Einige Elemente der Nachfolge konnte die Kirche retten. Aber die Germanen und das Christentum standen der antiken Kultur feindselig und misstrauisch entgegen, deshalb unterlag sie großteils der Vernichtung. Neuer Aufschwung sollte es erst in einigen Jahrhunderten wieder geben.